

АБХОРСЕН



ГАРТ
НИКС

Детище изобретательности, ясности и интеллекта.
Мои поздравления Гарту Никсу.

Филип Пулман

Старое Королевство

Гарт Никс

Абхорсен

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 087.5
ББК 84(8Авс)-44

Никс Г.

Абхорсен / Г. Никс — «Азбука-Аттикус», 2013 — (Старое
Королевство)

ISBN 978-5-389-13800-1

Злая воля некроманта освободила древнее Зло. Ораннис Разрушитель на свободе, и только Лираэль, едва успевшая принять наследие Абхорсена, способна остановить его. Если Ораннис вновь обретет свою силу, в Древнем королевстве прекратится сама Жизнь. Ведомая пророчествами Клэйр, Лираэль должна погрузиться в самые глубокие тайны Жизни и Смерти, чтобы узнать тайну Разрушителя – способ, который в незапамятные времена помог разделить на части и запереть всемогущее Зло глубоко под землей. Ей не обойтись без помощи ее племянника, принца Сэмета, и их магических помощников – Шкодливой Псины и кота Моггета. И медлить нельзя, иначе станет слишком поздно... Стремительный и лихо закрученный сюжет, яркие и живые характеры, продуманный и логичный в своей безудержной фантазийности мир – все это ждет читателя в третьем романе знаменитой саги Гарта Никса о мире, разделенном Стеной, и соединенном рекой Смерти. В новом и полном переводе!

УДК 087.5
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-13800-1

© Никс Г., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Пролог	9
Часть первая	14
Глава первая. В осажденном доме	14
Глава вторая. Вниз, в глубину	22
Глава третья. Амарант, розмарин и слезы	28
Глава четвертая. Пиршество воронов	36
Глава пятая. Ветер, дуй! Дождь, лей!	44
Глава шестая. Серебряные полушария	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

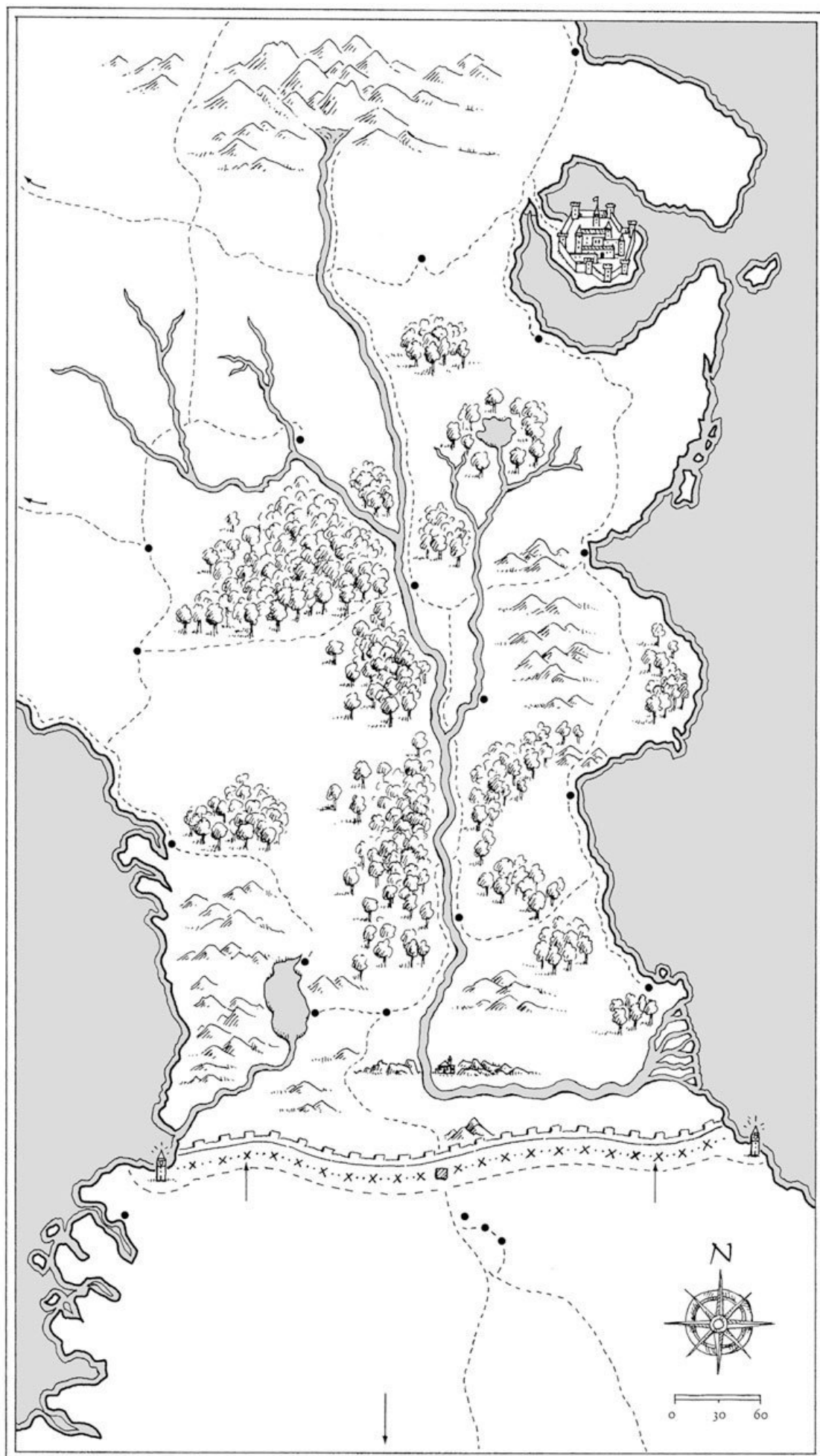
Гарт Никс Абхорсен

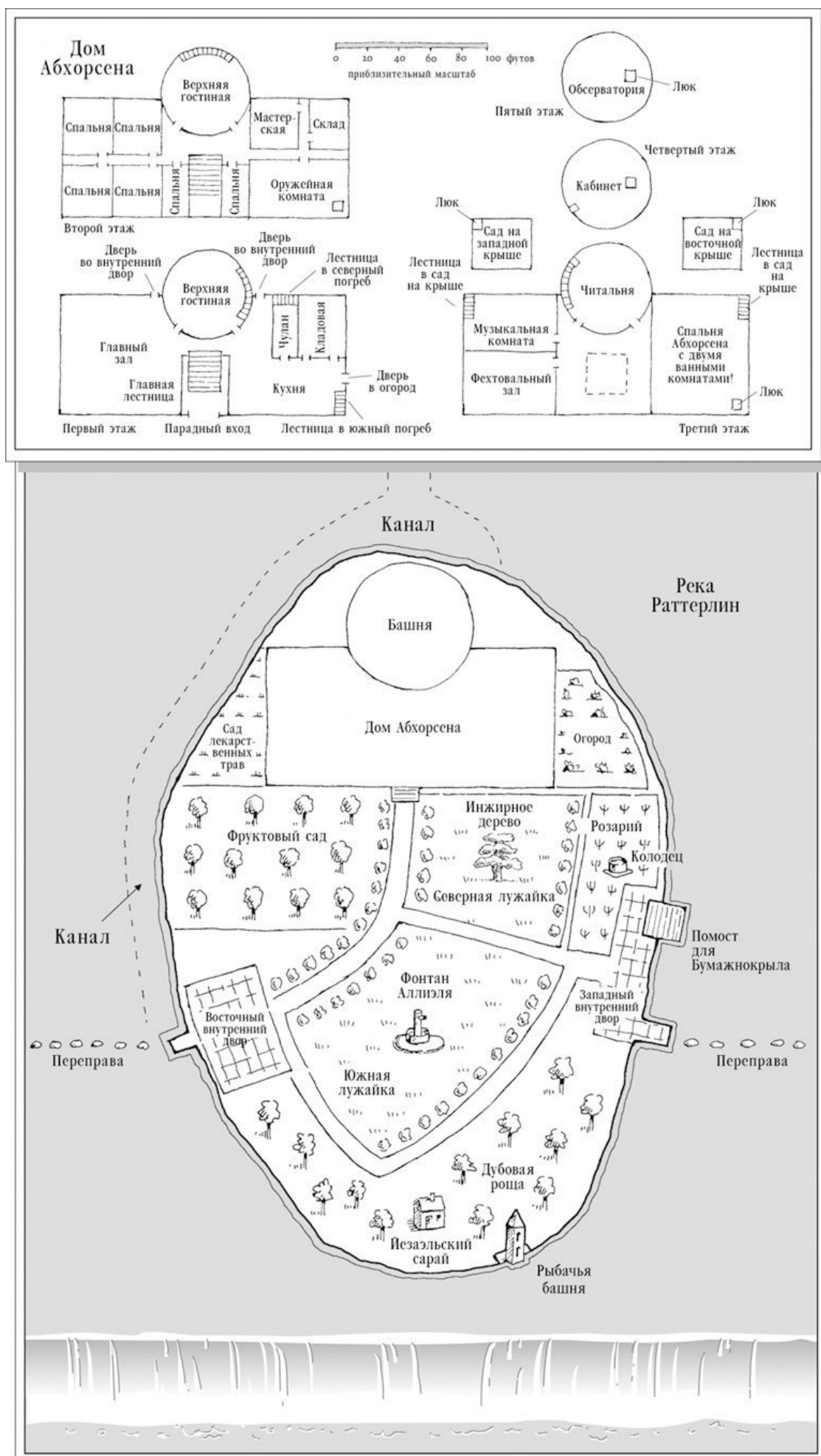
© С. Лихачева, перевод, 2017

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

* * *

Посвящается Анне и Томасу Генри Никсу





Пролог

Над рекой поднимался туман. Громадное белое марево, клубясь, вбирало в себя дым и чад города Корвира и превращалось в разнородную смесь, которую массовые газеты называют смогом, а «Таймс» – тлетворными миазмами. Стылый, промозг лый, вонючий, – как его ни назови, этот туман был опасен. Загустевая, он сулил смерть от удушья и самый слабый кашель с легкостью превращал в пневмонию.

Но этот туман представлял опасность не только для здоровья. Он обладал еще одним страшным свойством. В корвирском тумане терялось все: его пелена окутывала и прятала хваленные газовые фонари и вводила в заблуждение слух и взор. Когда туман ложился на город, на улицах резко темнело, по городу из конца в конец гуляло странное эхо, и любое место, куда ни глянь, казалось как нельзя лучше подходящим для злодейств и смертоубийств.

– А хмарь, похоже, расступаться и не думает, – сообщил Деймед, главный телохранитель при короле Оселке. Судя по тону, стражник терпеть не мог туманную пелену, хотя и знал, что это всего лишь природное явление, смешение промышленных выбросов и речного тумана. Дóма, в Древнем королевстве, такое марево зачастую создавали чародеи Свободной магии. – Кроме того, телефон не работает, а эскорт маловат и состоит сплошь из новичков. Среди них, вопреки обыкновению, нет ни одного офицера. Думаю, сир, вам не стоит идти.

Оселок стоял у окна, глядя наружу сквозь щели в ставнях. Несколько дней назад им пришлось позакрывать все окна, когда в толпе снаружи замелькали пращи. До этого демонстрантам никак не удавалось добросить обломки кирпичей: здание посольства Древнего королевства располагалось в обнесенном стеной парке, ярдах в пятидесяти от улицы.

Оселок уже не в первый раз пожалел, что не может установить связь с Хартией и почерпнуть в ней силу и магическую мощь. Но они находились в пятистах милях южнее Стены, и воздух был холоден и недвижим. Только когда с севера задувал сильный ветер, Оселку удавалось ощутить легчайшее касание своего магического наследия.

Оселок знал, что его жене недостает Хартии еще сильнее, чем ему самому. Он оглянулся на Сабриэль. Она, как всегда, сидела за письменным столом и строчила очередное последнее письмо старой школьной подруге, или влиятельному дельцу, или члену Анцельстьеррского Собрания. С обещаниями золота, или поддержки, или рекомендаций, или, может статься, с плохо завуалированными угрозами касательно того, что произойдет, если у адресата достанет глупости поддержать попытки Королини переселить сотни тысяч беженцев-южаков за Стену, в Древнее королевство.

Оселок все никак не мог привыкнуть к Сабриэль в анцельстьеррской одежде, особенно в парадной, как сегодня. Ей пристали сине-серебряный гербовой табард, бандольер Абхорсена на груди и меч у пояса. А не серебристое платье с накидкой вроде гусарского ментика, брошенной на одно плечо, и нелепая шляпка-таблетка, пришпиленная к иссиня-черным волосам. И автоматический пистолетик в серебристой сетчатой дамской сумочке – плохая замена мечу.

Не то чтобы Оселок чувствовал себя так уж комфортно в своей собственной одежде. Анцельстьеррская рубашка с накрахмаленным воротником и тугим галстуком сковывала движения, а костюм вообще ни от чего не защищал. Острое лезвие пройдет сквозь двубортный пиджак из тончайшей шерсти легко, как сквозь масло, а уж пуля...

– Мне передать ваши сожаления, сир? – уточнил Деймед.

Оселок нахмурился и обернулся к Сабриэль. Она когда-то училась в анцельстьеррской школе и понимала здешних жителей и их правящее сословие куда лучше его. И их дипломатические усилия к югу от Стены, как всегда, направляла именно Сабриэль.

– Нет, – покачала головой Сабриэль. Она встала и резким движением запечатала последнее письмо. – Сегодня – заседание Собрания, и не исключено, что Королини представит свой

законопроект «О принудительной эмиграции». Блок Дофорта, возможно, отдаст нам свои голоса, чтобы отклонить это предложение. Надо будет непременно посетить его прием в саду.

– В таком тумане? – изумился Оселок. – Кто-то может устраивать пикник на открытом воздухе?

– На погоду никто даже внимания не обратит. Мы все будем слоняться без дела, потягивать зеленый абсент, закусывать его причудливо нарезанной морковкой и притворяться, что нам ужасно весело.

– Морковкой?!

– Это новая причуда Дофорта, спасибо его духовному пастырю, – поведала Сабриэль. – Если верить Сюлин.

– Кому и знать, как не ей. – Оселок поморщился – при мысли о сырой моркови и зеленом абсенте, а вовсе не о Сюлин, одной из старейших школьных подруг Сабриэль, которая стала для послов неоценимой помощницей. Сюлин, в числе прочих учениц Уиверли-колледжа, двадцать лет назад своими глазами видела, что случилось, когда Свободная магия, пробудившись, набрала силу, преодолела Стену и разбушевалась в Анцельстьерре.

– Мы едем, Деймед, – объявила Сабриэль. – Но разумно будет принять меры, которые мы уже обсуждали.

– Нижайше прошу прощения, миледи Абхорсен, – отозвался Деймед, – но я не уверен, что меры эти обеспечат вашу безопасность. По правде сказать, они того и гляди повредят делу.

– Зато развлечемся, – отрезала Сабриэль. – Автомобили готовы? Пойду надену пальто и какие-нибудь сапоги.

Деймед неохотно кивнул и вышел. Оселок выбрал одно из темных пальто, что висели на спинке кушетки, и кое-как втиснулся в него. Сабриэль взяла другое, тоже мужское, и присела переобуться.

– Деймед тревожится не без причины, – промолвил Оселок, подавая руку жене. – И туман уж больно густой. Будь мы дома, я бы не усомнился, что создан он со злым умыслом.

– Этот туман – естественного происхождения, – возразила Сабриэль. Супруги завязали друг другу шарфы и обменялись легким, точно мимолетное прикосновение, поцелуем. – Но я согласна: его с легкостью можно использовать против нас. И все же я так близка к созданию коалиции против Королини! Если только удастся привлечь на свою сторону Дофорта, а Сэйры воздержатся от вмешательства...

– Это маловероятно, разве что нам удастся доказать, что мы не похищали их драгоценного сыночка и племянничка, – проворчал Оселок, сосредоточив все свое внимание на пистолетах. Он удостоверился, что оба заряжены, что в патроннике есть боевой патрон, курок в исходном положении, а пистолет поставлен на предохранитель. – Жаль, что мы ничего не знаем о проводнике, которого нанял Николас. Я просто уверен, что уже где-то слышал имя Хедж, причем не в положительном смысле. Как жаль, что мы разминулись с ними на Великом Южном тракте!

– Мы наверняка скоро получим весточку от Эллимир, – сказала Сабриэль, проверяя свой собственный пистолет. – А может, даже и от Сэма. Нам остается только положиться на здравомыслие наших детей и предоставить это дело им, а самим заниматься той проблемой, что сейчас стоит перед нами.

При упоминании о здравомыслии своих детей Оселок поморщился, протянул Сабриэль серую фетровую шляпу с черным околышем, точную копию его собственной, и помог ей снять таблетку и подобрать волосы.

– Готова? – спросил он.

Сабриэль подпоясалась ремнем. В шляпах, с поднятыми воротниками, с туго завязанными шарфами, они с Оселком были неотличимы от Деймеда и прочих охранников. В этом-то и состоял план.

Снаружи дожидались еще десять телохранителей, не считая водителей двух тяжелобронированных автомобилей марки «Гедден-Гар». Сабриэль с Оселком присоединились к ним, и на миг все двенадцать сбились в кучу. Если из-за стен следили враги, то определить в тумане, кто есть кто, им вряд ли удалось.

Двое уселись на задние сиденья в каждую из машин, восемь встали на специальные подножки. Двигатели уже какое-то время работали вхолостую, выхлопы безостановочным потоком теплого светлого пара вливались в туман.

По сигналу Деймеда машины тронулись с места и покатались по подъездной аллее. Загудели клаксоны, подавая сигнал часовым открыть ворота, а анцельштейерской полиции снаружи – оттеснить народ. Последнее время здесь всегда собиралась толпа, состоящая главным образом из прихвостней Королини: проплаченных погромщиков и подстрекателей с красными нарукавными повязками – знаком «Нашей страны».

Невзирая на опасения Деймеда, полиция неплохо справлялась со своим делом: заставила толпу расступиться, освобождая дорогу, так, чтобы смогли проехать две машины. Вслед полетели несколько камней и обломков кирпича, но либо не попали в цель, либо отскочили от закаленного стекла и брони, не причинив вреда. А в следующую минуту толпа уже осталась далеко позади – темным вопящим скопищем в тумане.

– Эскорт за нами не следует, – отметил Деймед; он ехал на специальной подножке рядом с водителем головной машины. Отряд конных полицейских получил приказ повсюду в городе сопровождать короля Оселка и его супругу, королеву-Абхорсена, и до сих пор выполнял свой долг в соответствии с высокими стандартами военной полиции. А на сей раз солдаты отчего-то остались стоять, держа коней в поводу.

– Может, с приказом что-то напутали, – предположила водитель, приоткрыв поворотную форточку. Но голос ее прозвучал как-то неубедительно.

– Пожалуй, мы изменим маршрут. Поезжайте по Харальд-стрит. Первый поворот налево, – приказал Деймед.

Машины промчались мимо двигающихся с меньшей скоростью тяжело нагруженного грузовика и запряженной лошадью телеги, резко затормозили и свернули налево, на широкую Харальд-стрит – один из современных городских проспектов, хорошо освещенный благодаря газовым фонарям, расставленным через равные промежутки по обе стороны улицы. И все равно ехать быстрее, чем со скоростью пятнадцать миль в час, из-за тумана казалось небезопасным.

– Там, впереди, что-то происходит! – сообщила водитель.

Деймед пригляделся – и выругался сквозь зубы. Лучи фар пронзили туман и высветили огромную толпу, запрудившую улицу. Рассмотреть, что написано на транспарантах, не удавалось, но и без того понятно было: «Наша партия» вышла на манифестацию. Что еще хуже, полиции рядом не наблюдалось, ни единого синего шлема в поле зрения. Сдерживать демонстрантов было некому.

– Стойте! Назад! – крикнул Деймед. Он махнул замыкающей машине, подавая двойной сигнал: «Тревога!» и «Отступаем!».

Обе машины дали задний ход. Толпа хлынула вперед. До сих пор демонстранты молчали. Теперь они принялись скандировать: «Долой иностранцев!» и «Наша страна!». В воздухе замелькали камни и обломки кирпичей. Однако пока что они не долетали до цели.

– Назад! – снова прокричал Деймед. Он выхватил пистолет и теперь держал его у бедра наготове. – Быстрее!

Вторая машина уже почти обогнула угол, как вдруг грузовик и телега, те самые, что посольский кортеж обогнал по пути, развернулись и перекрыли дорогу. Из них выпрыгнули люди в масках – вооруженные люди! – и, рассекая туман, побежали к машинам.

Еще не разглядев толком пистолетов и пулеметов, Деймед понял: вот оно – то, чего он боялся все это время.

Засада.

– Все наружу! – закричал он и указал на нападающих. – Огонь!

Вокруг него телохранители уже распахнули дверцы автомашины и укрылись за ними. Секунду спустя охрана открыла огонь. Гулкий гром пистолетных выстрелов перемежался резкими очередями новых компактных ручных пулеметов, гораздо более удобных, нежели прежние армейские «люины». Никто из охранников пулеметы не жаловал, но все неумоимо упражнялись в стрельбе с тех пор, как оказались по южную сторону Стены.

– Не стреляйте по толпе! – взревел Оселок. – Только по тем, кто вооружен!

Но нападающие подобной разборчивостью не отличались. Укрывшись за грузовиком и телегой, за почтовым ящиком и за невысоким заграждением из цветочных кадок, они палили во все стороны.

Пули с визгливым зловещим свистом отскакивали от мостовой и от бронированных автомобилей. Повсюду стоял оглушительный шум – безумная какофония звуков, вопли и крики вперемешку с неумолчным треском и грохотом пулеметов. Толпа, что еще несколько секунд назад так рвалась вперед, теперь образовала беспорядочную толчею и давку: люди в панике разбегались.

Деймед кинулся к группе охранников, укрывшихся за капотом второй машины.

– К реке! – закричал он. – Бегите через площадь и вниз по Сторожевой лестнице. Там ждут две лодки. В тумане вы сумеете уйти от преследования.

– Мы можем попробовать пробиться обратно в посольство! – возразил Оселок.

– Нет, нападение слишком хорошо спланировано! Полиция подкуплена – если не вся, то по большей части! Вам необходимо бежать из Корвира! И из Анцельсьерра!

– Нет! – воскликнула Сабриэль. – Мы еще не закончили...

Договорить она не успела: Деймед с силой опрокинул их с Оселком на землю и закрыл собой. И с фантастическим проворством перехватил черный цилиндр, что, кувыркаясь, пролетел сквозь туман, оставив за собою хвост дыма.

Бомба.

Одним стремительным движением Деймед поймал и отшвырнул бомбу прочь; и все же недостаточно быстро.

Бомба взорвалась еще в воздухе. Начиненная мелкими металлическими предметами и взрывчаткой, она поразила Деймеда на месте. Ударная волна повыбивала все окна в радиусе полумили и на миг оглушила и ослепила всех вокруг на расстоянии сотни ярдов. Но по-настоящему страшный вред причиняли тысячи металлических фрагментов, что со свистом вспарывали воздух, отскакивали от металла и камня и сплошь и рядом вгрызались в плоть.

Сразу после взрыва повисла тишина. Нарушал ее только рев горящего газа в разбитых фонарях. Сила ударной волны разметала даже туман, расчистив огромный круг, и вниз с небес просочились тусклые лучи солнца, осветив сцену страшных разрушений.

Повсюду вокруг – на дороге и под машинами – валялись изувеченные тела; не осталось ни одного телохранителя и ни одной телохранительницы в темном пальто. Разлетелись даже бронированные стекла автомобилей, а пассажиры бессильно завалились на бок – они были мертвы.

Уцелевшие убийцы, выждав несколько минут, ползком выбрались из-за невысокого заграждения и двинулись вперед, хохоча и поздравляя друг друга, небрежно зажав ружья под мышкой или перебросив через плечо – с этакой залихватской бесшабашностью.

Они сами не замечали, что их смех и голоса звучат неестественно громко. Все их чувства притупились, разум отказывался слушаться. И не только из-за ударной волны или страшного

зрелища, что с каждым шагом становилось все ближе и реальнее. И даже не от облегчения при мысли о том, что они остались живы посреди стольких смертей и разгрома.

Настоящий шок пришел вместе с осознанием того, что минуло вот уже триста лет с тех пор, как на улицах Корвира были убиты правящие король с королевой. А вот сейчас это произошло снова, и кровью запятнаны их собственные руки.

Часть первая

Глава первая. В осажденном доме

Туман клубился и в шестистах милях к северу, очень далеко от корвирского смога, – по ту сторону Стены, отделяющей Анцельстьерр от Древнего королевства. По ту сторону Стены, где, собственно, и начиналась магия Древнего королевства, а анцельстьеррские современные технологии отказывали.

Этот туман отличался от своего далекого южного собрата. Он был не белым, а темно-серым, оттенка грозового облака, и происхождения отнюдь не естественного. Его соткали из воздуха и Свободной магии, и родился он на вершине холма, вдалеке от какого-либо источника воды. Он не редел, напротив – расплзался во все стороны, несмотря на жару майского полудня, которой полагалось бы выжечь его без остатка.

Невзирая на солнце и легкий ветерок, туман растекался с холма, волной катился на юг и восток, выпуская впереди себя тонкие щупальца. В полулиге от холма одно из таких щупалец отделилось, превратилось в облако, взвилось высоко в воздух и перенеслось через полноводную реку Раттерлин. Оказавшись по ту сторону, облако осело, точно жаба, на восточном берегу и в свою очередь принялось исторгать из себя новые клубы тумана.

Вскоре два потока тумана уже окутали западный и восточный берега Раттерлин, хотя солнце по-прежнему озаряло реку между ними.

И река, и туман текли к Долгим утесам – пусть и с разной скоростью. Река неслась вперед, все ускоряясь и ускоряясь, в направлении громадного водопада, где срывалась вниз с высоты более тысячи футов. Туман струился пугающе неспешно, постепенно густея и поднимаясь все выше.

В нескольких ярдах от Долгих утесов волна тумана замерла, хотя белесое марево все уплотнялось и набирало высоту, угрожая захлестнуть островок посреди реки, на самом краю водопада. Островок с домом и садом в окружении высоких белых стен.

Туман не потек над рекою и не выгнулся дугой, поднявшись выше. Незримые преграды не подпускали его к острову – те же самые, благодаря которым солнце по-прежнему озаряло белые стены, сады и дом с красной черепичной крышей. Туман служил оружием, но в битве сделан был лишь первый ход, осада только начиналась. Обозначилась линия фронта. Дом оказался в окружении.

Ибо весь омываемый рекою остров был домом Абхорсена. Жилищем Абхорсенов, что по праву крови и по велению долга хранили границы Жизни и Смерти. Абхорсены пользовались некромантическими колокольцами и Свободной магией, притом что сами не были ни некромантами, ни адептами Свободной магии. Абхорсены отсылали мертвых, вторгшихся в Жизнь, обратно в Смерть, туда, где им место.

Создательница тумана знала, что самого Абхорсена в доме нет. Абхорсена с ее супругом-королем выманили за Стену. Там с ними, предположительно, и покончат. Все это входило в замысел ее Повелителя. План был составлен давным-давно, однако всерьез к его осуществлению приступили лишь теперь.

План включал в себя множество составляющих в самых разных странах, хотя его ядро и первопричина находились в Древнем королевстве. Война, заказное убийство, беженцы – таковы были элементы плана, приводимого в действие коварным, изощренным разумом, что на протяжении бесчисленных поколений дожидался исполнения своих замыслов.

Но, как оно и бывает с любым планом, уже возникли осложнения и проблемы. Два таких «осложнения» сейчас находились в доме. Одна – совсем юная девушка. Ее послали на юг

ведьмы, обитающие на обледеневшей горе у истока Раттерлин. Эти Клэйры, провидящие во льду множество вариантов будущего, непременно попытаются изменить настоящее в собственных интересах. А девчонка – из числа их высших магов, ее нетрудно опознать по цветной жилетке. Жилетка – красная: это униформа второй помощницы библиотекаря.

Создательница тумана уже видела девчонку: такая черноволосая, бледная, явно не старше двадцати лет, жалкий обрезок ногтя с руки эпохи. И даже слышала, как в ходе отчаянной битвы ее окликнули по имени.

Лираэль.

Второе «осложнение» известно куда лучше и, вероятно, неприятностей сулит куда больше, хотя свидетельства противоречивы. Это юноша, да что там, почти мальчишка: кучерявый – в отца, чернобровый – в мать, и высокий – в обоих. Звать – Сэмет. Принц королевской крови, сын короля Оселка и Абхорсена Сабриэль.

Предполагалось, что принц Сэмет станет преемником Абхорсена и унаследует силу «Книги мертвых» и семь колокольцев. Но теперь создательница тумана в этом засомневалась. Она была очень стара и некогда многое знала об этой странной семье и об их доме на реке. Не далее как прошлой ночью она сразилась с Сэметом – и бился он не так, как полагается Абхорсену. Даже магию Хартии он использует как-то своеобразно, совсем не так, как королевский род или Абхорсены.

Кроме того, Сэмет с Лираэль не одни. При них двое помощников, какие-то существа, с виду всего-навсего белый котик со скверным характером и здоровенная дружелюбная чернорыжая дворняга. Однако оба совсем не то, чем кажутся, а вот что они такое на самом деле, тоже не вполне понятно. Скорее всего, какие-нибудь духи Свободной магии, принужденные служить Абхорсенам и Клэйрам. Про кота хоть что-то известно. Звать его Моггет, в книгах древней мудрости содержатся предположения и догадки на его счет. А вот псина – другое дело. Она появилась только что, или, может быть, настолько стара, что книги, повествующие о ней, давно обратились в прах. Тварь в тумане предполагала, скорее, второе. И девушка, и ее собака явились из Большой библиотеки Клэйр. Скорее всего, у обеих, точно так же как и у библиотеки, есть свои секреты; обе таят в себе неведомые силы.

Все вместе эти четверо – могучие противники и представляют собою серьезную угрозу. Но создатель ни це тумана вовсе не нужно было вступать с ними в открытый бой, ведь дом слишком надежно защищен и заклинаниями, и текучей водой. Ей приказано запереть их в доме, точно в ловушке. Дом останется в осаде, пока события разворачиваются вокруг, чтобы Лираэль, Сэм и их помощники опоздали с вмешательством и не успели предпринять хоть что-нибудь.

При мысли о полученных приказах Хлёрр-под-Маской негодующе зашипела, и туман вокруг ее головы – или того, что сходило за голову, – всколыхнулся волной. Некогда она была живой некроманткой, и никто не смел ей приказывать. Некогда она совершила ошибку, и ошибка эта привела ее к рабству и смерти. Но ее Повелитель не дал ей уйти за Девятые Врата и далее. Ее возвратили в Жизнь, хотя и не в живом обличье. Теперь она стала мертвой тварью, подчиненной власти колокольцев, скованной своим же собственным тайным именем. Приказы ей не нравились, но выбора у нее не было – приходилось повиноваться.

Хлёрр опустила руки. С кончиков ее пальцев сорвались еще несколько невесомых клочьев тумана. Повсюду вокруг нее кишели мертвые подручные – сотни и сотни пошатывающиеся гниющих трупов. Не Хлёрр вывела из Смерти духов, что теперь населяли эти разлагающиеся полускелеты, но тот, кто это сделал, отдал их под начало Хлёрр. Она подняла тонкую длинную призрачную руку и указала в нужном направлении. Сопя, постанывая, побулькивая и пощелкивая одеревеневшими суставами и переломанными костями, мертвые подручные зашагали вперед, сквозь клубящийся туман.

– Там, на западном берегу, не меньше двух сотен мертвых подручных, и еще восемь десятков или больше – на восточном, – сообщил Сэмет. Он оторвался от бронзового телескопа и развернул его вниз, чтобы не мешался. – Хлёрр я не видел, но она наверняка тоже где-то там.

Он передернулся, вспомнив о своей последней встрече с Хлёрр: над ним снова нависала гигантская, сотканная из тлетворной тьмы фигура, и пламенеющий меч уже готов был обрушиться на жертву. Все это произошло только прошлой ночью, хотя казалось – давным-давно.

– Может, марево создал какой-нибудь другой адепт Свободной магии, – предположила Лираэль. Но сама она в это не верила. Девушка ощущала присутствие той же недоброй силы, что и прошлой ночью.

– Не марево, а туман, – вмешалась Шкодливая Псина, ловко балансируя на табурете перед телескопом. Если закрыть глаза на ее умение говорить и блестящий ошейник, составленный из знаков Хартии, то собака ничем не отличалась от любой другой здоровенной черно-рыжей дворняги. Такие чаще улыбаются во всю пасть и машут хвостом, чем рычат и лают. – Думаю, хмарь сгустилась достаточно, чтобы называться туманом.

Псина и ее хозяйка Лираэль, принц Сэмет и Моггет, слуга Абхорсенов, принявший обличье кота, собрались в обсерватории на верхнем этаже башни в северной части дома Абхорсена.

Стены обсерватории были совершенно прозрачны, и Лираэль поймала себя на том, что то и дело нервно поглядывает на потолок, ведь казалось, будто его ничто не поддерживает. Кроме того, стены были изготовлены не из стекла и не из какого-либо известного девушке материала, отчего Лираэль почему-то ощущала себя еще неудобнее.

Пытаясь скрыть тревогу, Лираэль в очередной раз вскинула голову к потолку и сделала вид, что просто кивает, соглашаясь со словами собаки. Страхи ее выдавала только рука: девушка крепко вцепилась в песий загривок – тепло собачьей шерсти и магия Хартии, ошейника успокаивали ее и подбадривали.

И хотя полдень миновал совсем недавно и прямые лучи солнца все еще озаряли дом, островок и реку, по обоим берегам отвесно воздвиглись плотные стены тумана. Они достигали уже нескольких сотен футов в высоту, но громоздились все выше и выше.

Туман, несомненно, был колдовского происхождения. Он не поднимался от реки, как полагается обыкновенному туману, и не пришел вместе с облаком. Он надвигался одновременно с востока и с запада, причем стремительно, невзирая на ветер. Поначалу разреженный, он сгущался с каждой минутой.

Еще одно подтверждение странной природы тумана обнаружилось южнее: волна тумана резко остановилась, вместо того чтобы смешаться с естественной водяной пылью над гигантским водопадом, там, где река срывалась вниз с Долгих утесов.

А следом за туманом явились мертвые. Неповоротливые трупы неуклюже карабкались по берегам реки. Стремительный водный поток внушал им страх, но что-то неумолимо гнало их вперед, что-то, что скрывалось чуть дальше в тумане. Наверняка это «что-то» – Хлёрр-под-Маской, некогда некромантка, а теперь и сама – одна из великих мертвых. Лираэль понимала, сколь опасно такое сочетание, ведь Хлёрр, скорее всего, сохранила свои былые познания в Свободной магии, а в придачу к ним обрела в Смерти новые силы. Силы, скорее всего, темные и непостижные. Лираэль с Псиной ненадолго прогнали Хлёрр, сразившись с нею на речном берегу прошлой ночью, но победить ее не победили.

Лираэль ощущала и присутствие мертвых, и колдовскую природу тумана. И хотя дом Абхорсена защищали и глубокий и стремительный речной поток, и бесчисленные магические преграды и стражи, девушка непроизвольно поежилась, словно кожи ее коснулись холодные пальцы.

Никто ничего не сказал на это, хотя Лираэль чуть со стыда не сгорела при мысли о том, что выказала себя такой трусихой. Все молчали – и неотрывно смотрели на нее. И Сэм, и Псина, и Моггет – все они не иначе как ждали от нее мудрого решения или гениального озарения.

На мгновение девушку захлестнула паника. Она не привыкла брать на себя ведущую роль – в разговоре ли или в чем-то еще. Но теперь она – преемник Абхорсена. И пока Сабриэль находится в Анцельстьерре, по ту сторону Стены, она, Лираэль, – единственный Абхорсен, и другого нет. И мертвые, и туман, и Хлёрр – все это ее проблемы. Причем проблемы пустячные в сравнении с подлинной опасностью – с тем неведомым артефактом, что Хедж с Николасом пытаются откопать у Красного озера.

«Я должна делать хорошую мину при плохой игре, – думала Лираэль. – Я должна изображать из себя Абхорсена. Может, если я буду достаточно убедительна, то и сама в себя поверю».

– А есть ли из дома какой-нибудь выход, помимо вон той переправы? – внезапно спросила девушка, глядя на юг, туда, где над водой едва виднелись камни, играющие роль мостиков к восточному и западному берегам. «„Переправа“ – не совсем подходящее слово», – подумала Лираэль. Тут уместнее сказать «перепрыжка», ведь камни находились на расстоянии по меньшей мере шести футов друг от друга и очень близко к краю обрыва. Если промахнешься в прыжке, упадешь в воду, река подхватит тебя, оглянуться не успеешь, и потащит к водопаду. И сорвешься ты вниз с огромной высоты, а всеокрушающий поток воды сомнет тебя и раздавит под своей тяжестью.

– Сэм?

Сэм помотал головой.

– Могтет?

Белый котик свернулся в клубочек на сине-золотой подушке. Еще недавно подушка эта лежала на табуретке перед телескопом, но была сбита мягкой лапкой; на полу она оказалась явно нужнее. На самом деле Могтет не был настоящим котом, хотя и принял кошачье обличье. Ошейник, покрытый знаками Хартии, с миниатюрным колокольчиком – Ранной, снотворцем, недвусмысленно свидетельствовал: это существо не просто говорящий кот, а нечто большее.

Могтет приоткрыл один ярко-зеленый глаз и широко зевнул. Тихо звякнул Ранна – и Лираэль с Сэмом тоже начали непроизвольно позевывать.

– Сабриэль забрала Бумажнокрыл, так что улететь мы не можем, – промурлыкал он. – А даже если бы и улетели, нам пришлось бы пробиваться сквозь стаю ворон-кровавиков. Наверное, мы могли бы призвать ладью, но тогда мертвые последуют за нами вдоль берегов.

Лираэль смотрела на стены тумана. Она и двух часов не была преемником Абхорсена, а уже в растерянности и не знает, что делать. В одном она убеждена твердо: необходимо немедленно покинуть дом и спешить к Красному озеру. Нужно как можно скорее отыскать Николаса, Сэмова друга, и остановить его, помешать выкапывать то, что погребено глубоко под землей.

– Возможно, есть еще один выход, – вмешалась Псина. Она соскочила с табуретки и принялась нарезать круги вокруг Моггета, вышагивая «по-журавлиному», точно приминала траву, а не ступала по холодному камню. Внезапно собака плюхнулась на пол рядом с котом и с размаху шлепнула тяжелой лапой у самой его головы. – Вот только Могкету он не понравится.

– Что еще за выход? – прошипел Могтет, выгибая спину. – Никакого такого выхода не знаю, кроме как по камням до берега, или по воздуху, или по воде на лодке, а я здесь живу с тех самых пор, как построен дом.

– Но не с тех самых пор, как река была разделена надвое и создан этот остров, – невозмутимо возразила Псина. – Еще до того, как Созидатели возвели стены, на том самом месте, где сейчас растет раскидистое инжирное дерево, стоял шатер первого Абхорсена.

– Верно, – согласился Могтет. – Но ведь и тебя тогда здесь не было.

Лираэль померещилось, будто в последних словах Моггета прозвучала нотка сомнения или намек на вопрос. Она внимательно пригляделась к собаке, но Шкодливая Псина лишь потерла нос передними лапами и продолжила:

– Как бы то ни было, некогда действительно существовал еще один путь. Если он сохранился по сей день, то там глубоко и, возможно, подстерегают многие опасности. Вероятно, кое-

кто скажет, что благоразумнее было бы пройти по «мостику» из камней и пробиться сквозь строй мертвых.

– Кое-кто – но не ты? – уточнила Лираэль. – Ты думаешь, у нас есть выбор?

Лираэль боялась мертвых, но не настолько, чтобы не вступить с ними в бой при необходимости. Она просто не была до конца уверена в своей новообретенной сущности. Возможно, Абхорсен такой, как Сабриэль, в расцвете лет и силы, с легкостью преодолеет переправу и наголову разгромит и Хлёрр, и мертвых подручных, и всю прочую нежить, что только подвернется. Лираэль казалось, что если она сама отважится на такое, то ей в итоге придется отступить обратно по камням, и, скорее всего, она поскользнется, сорвется в реку и рухнет в водопад.

– Думаю, нам надо рассмотреть этот путь, – объявила Псина. Она с наслаждением потянулась, едва не задев Моггета лапами, затем неспешно встала и зевнула, оскалив здоровенные белые клыки. Наверняка, чтобы подразнить Моггета, Лираэль в этом даже не сомневалась.

Моггет, сощурившись, глянул на собаку.

– Глубоко? – мяукнул кот. – Это то, о чем я подумал? Нам туда нельзя!

– Она давно ушла, – успокоила Псина. – Хотя что-то могло и остаться...

– Она? – хором переспросили Лираэль с Сэметом.

– Ты ведь знаешь о колодце в розарии? – спросила Псина. Сэмет кивнул, а девушка попыталась вспомнить, не видела ли колодца по пути через весь остров к дому. Да, вроде бы краем глаза она заметила розы – множество роз увивали шпалеры на восточной стороне лужайки, ближе к дому. – В колодец можно спуститься, – продолжала Псина. – Хотя спуск долгий и узкий. Так мы окажемся в глубине подземных пещер. Сквозь них можно пройти к основанию водопада. А оттуда нам придется снова вскарабкаться на утесы, но думаю, мы проделем это дальше к западу, обойдя Хлёрр с ее приспешниками.

– Но колодец полон воды! – запротестовал Сэм. – Мы утонем!

– Ты уверен? – усмехнулась Псина. – Ты вообще в него когда-нибудь заглядывал?

– По правде сказать, нет, – признался Сэм. – Кажется, он закрыт...

– А кто такая «она»? – настойчиво переспросила Лираэль. – О ком ты упомянула? – Благодаря долгому опыту девушка безошибочно распознала, что Псина пытается уйти от ответа.

– Та, что некогда жила там, внизу, – объяснила Псина. – Та, что обладала немалой и опасной силой. Возможно, от нее еще что-то осталось.

– Что еще за «та»? – строго осведомилась Лираэль. – Как кто-то может жить глубоко под домом Абхорсена?

– Я отказываюсь даже приближаться к этому колодцу! – взвыл Моггет. – Это ведь Каллиэль попытался раскопать запретное место, так? И зачем нам добавлять свои кости к его останкам в каком-нибудь темном углу подземных пещер?

Лираэль искоса глянула на Сэма и вновь обернулась к Моггету. И тут же об этом пожалела, ведь она опять выдала свои сомнения и страхи. Но ведь теперь, став преемником Абхорсена, Лираэль не должна выказывать слабости! Сэм не скрывал своего ужаса перед Смертью и мертвыми и своего желания спрятаться здесь, в надежно защищенном доме. Но юноша преодолел свой страх – по крайней мере, на время. А где Сэму взять храбрости, если она не подаст ему примера?

А еще она, Лираэль, приходится ему тетей. Тетей она себя не ощущала, но, наверное, подобное родство подразумевает определенные обязательства по отношению к племяннику, даже если племянник всего на несколько лет ее младше.

– Псина! Отвечай мне прямо, без уверток, – приказала девушка. – Кто... или что... таится там, внизу?

– Ну, словами объяснить трудно, – промолвила собака, переступая передними лапами. – Тем более что внизу, скорее всего, вообще никого нет. А если и есть, наверное, можно назвать ее последком, оставшимся от создания Хартии. Ведь такова же и я, и очень многие другие,

великие и малые. Но если она там – или если не она, то некая ее часть, – тогда, возможно, она такова же, что и прежде, то есть очень опасна в... стихийном... смысле, хотя все это было давным-давно, и на самом-то деле я рассказываю вам только то, что говорили, или писали, или думали другие люди...

– А что ей там делать? – спросил Сэмет. – Под домом Абхорсена?

– Вообще-то, она не то чтобы привязана к одному месту, – отозвалась Псина, почесывая лапой нос и упорно не встречаясь ни с кем взглядом. – Она – нигде. Но некая часть ее силы вложена сюда, так что если она где и есть, то, скорее всего, здесь, и именно здесь она есть, если вообще где-либо.

– Моггет? – воззвала Лираэль. – Ты можешь это перевести?

Но Моггет не ответил. Глаза его были закрыты. Где-то на середине песьих рассуждений он свернулся клубочком и заснул.

– Моггет! – повторила Лираэль.

– Он спит, – вступилась Псина. – Ранна погрузил его в дрему.

– Сдается мне, Моггет прислушивается к Ранне, только когда сам этого хочет, – пробурчал Сэм. – Надеюсь, что Керригор спит крепче.

– Можем зайти проверить, если угодно, – предложила Псина. – Но, думаю, если бы он проснулся, мы в неведении не остались бы. Ранна не столь строг, как Саранет, но, если надо, держит крепко. Кроме того, могущество Керригора заключалось в его приспешниках. Он искусно черпал в них свою силу, и именно в этом причина его падения.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Лираэль. – Я думала, он был адептом Свободной магии и стал одним из великих мертвых.

– Не только, – покачала головой Псина. – В его жилах текла королевская кровь. Он привык господствовать над другими. Где-то в Смерти Керригор нашел средство использовать силу тех, кто присягал ему на верность, через клеймо, которое он выжигал в их плоти. Если бы Сабриэль случайно не применила древнейшего заклинания, которое отсекло его от источника власти, думаю, Керригор восторжествовал бы. По крайней мере, до поры до времени.

– Почему только до поры до времени? – уточнил Сэм. Он уже жалел, что заговорил о Керригоре.

– Думаю, в итоге он предпринял бы именно то, чем сейчас занят твой приятель Николас, – объяснила Псина. – И откопал бы из-под земли то, чего лучше не трогать.

На это никто не возразил.

– Мы теряем время, – решительно заявила Лираэль.

Она снова взглядела в туман на западном берегу.

Девушка ощущала присутствие множества мертвых подручных – больше, чем различал взгляд, хотя различал он больше чем достаточно. Разлагающиеся часовые в пелене тумана. Ждут, чтобы враг вышел из безопасного убежища.

Лираэль вдохнула поглубже и решилась.

– Псина, если ты думаешь, что можно спуститься в колодец, значит этот путь мы и выберем. Хотелось бы надеяться, что никаких остатков некоей грозной силы мы там не найдем. А если найдем, может, она вполне дружелюбна, и мы все объясним...

– Нет! – рявкнула Псина, к вящему изумлению всех и каждого. Даже Моггет приоткрыл один глаз, но, осознав, что Сэм следит за ним, тут же поспешно зажмурился.

– Что такое? – переспросила Лираэль.

– Если она там, что маловероятно, заговаривать с ней ни в коем случае нельзя, – объяснила Псина. – Ни в коем случае нельзя ни прислушиваться к ней, ни притрагиваться.

– А кто-нибудь когда-нибудь ее слышал или касался? – любопытствовал Сэм.

– Из смертных – никто, – заверил Моггет, приподняв голову. – Никто из смертных никогда не проходил через ее чертоги, как мне кажется. Сунуться туда – это чистое безумие. Мне до сих пор любопытно, что случилось с Каллиэлем.

– А я думала, ты спишь, – упрекнула Лираэль. – Кроме того, возможно, она просто нас не заметит – как и мы ее.

– Да я не враждебности ее опасуюсь, – возразил Моггет. – Я опасуюсь, что она просто обратит на нас внимание.

– Может, нам стоило бы... – начал было Сэм.

– Что стоило бы? – ехидно осведомился Моггет. – Остаться здесь, в безопасном и уютном доме?

– Нет, – тихо возразил Сэм. – Если голос этой женщины так опасен, тогда, может, нам заранее приготовить затычки для ушей? Из воска или что-нибудь в этом роде?

– Не поможет, – помотал головой Моггет. – Если она заговорит, вы услышите ее всем своим существом – ее голос пробирает до костей. А уж если запоет... В общем, будем надеяться, что петь она не станет.

– Мы обойдем ее стороной, – заверила Псина. – Положитесь на мой нос. Мы отыщем дорогу.

– Скажи, а кто такой Каллиэль? – спросил Сэм.

– Каллиэль был двенадцатым Абхорсеном, – поведал Моггет. – Чрезвычайно недоверчивый тип. Продержал меня взаперти много лет. Тогда, должно быть, он колодец и выкопал. Когда Каллиэль исчез, его внук унаследовал дедовы колокольцы и титул – и выпустил меня. Не хотелось бы мне разделить судьбу Каллиэля. Тем более на дне колодца.

Лираэль вздрогнула, заметив, как в тумане что-то всколыхнулось. Зловещее присутствие, ощущаемое вдали, придвинулось ближе. Лираэль чувствовала: это некое существо, куда более могущественное, нежели тень-подручные, а ведь уже и они замаячили на границе тумана.

А Хлёрр приближалась: она спустилась почти к самому берегу. Или если не Хлёрр, то кто-то равный ей по силе – или даже еще более могущественный. Может, не кто иной, как некромант, с которым Лираэль столкнулась в Смерти.

Хедж. Тот самый некромант, который обжег Сэма. Сквозь разрезы в рукавах сюрко на запястьях юноши до сих пор просматривались шрамы.

Это сюрко, кстати, – еще одна тайна. «Но о ней мы подумаем потом», – устало решила Лираэль. На сюрко в рассеченном и пересеченном щите сочетались королевские башни и фигура, которой не видели вот уже тысячу лет. Мастерок Созидателей Стены.

Перехватив ее взгляд, Сэм подергал за толстую золотую нить там, где на льняном полотне был выткан символ Созидателей. Юноша постепенно, очень медленно начинал осознавать, что фантомы не ошиблись с сюрко. Во-первых, оно было новехоньким, только что сотканным, а не какой-то там старой тряпкой, вытащенной из пыльного шкафа или из корзины для белья столетней давности. Так что, вероятно, в силу некоей неведомой причины он имеет полное право носить это сюрко. Выходит, он не только принц королевской крови, но еще и Созидатель. Но что это значит? Созидатели исчезли за тысячу лет до него, вложив себя в созидание Стены и Великих Камней Хартии. Причем в буквальном смысле, насколько Сэм себе это представлял.

На мгновение юноша задумался, не ждет ли и его подобная судьба. Не закончится ли его жизнь с созданием чего-либо – по крайней мере, как человека, который живет и дышит? «Потому что Созидатели на самом деле не вполне мертвы», – размышлял Сэм, вспоминая Великие Камни Хартии и Стену. Они, скорее, преобразились и видоизменились, но не умерли.

Честно говоря, его отнюдь не прельщала подобная участь. Но как бы то ни было, куда вероятнее, что он просто погибнет, думал Сэм, всматриваясь в туман и ощущая леденящее присутствие в нем мертвых.

Парень снова подергал за золотую нить на груди и приободрился; страх перед мертвыми отступил. Сэм ведь никогда не хотел становиться Абхорсеном. Быть Созидателем куда интереснее, даже если пока не вполне понятно, что это значит. А в неизвестности есть и свои плюсы. То-то взбеленится его сестрица Эллимир! Эта никогда не поверит, что он сам не знает и не может объяснить, каково это – быть Созидателем; наверняка ведь просто не хочет из чистого упрямства!

Ну да неизвестно, суждено ли ему еще когда-нибудь увидеть Эллимир...

– Нам пора, – напомнила Псина, возвращая Лираэль и Сэма к реальности. Все это время девушка отрешенно вглядывалась в туман, с головой уйдя в собственные мысли.

– Да, – подтвердила Лираэль, усилием воли отводя взгляд. Не в первый раз она пожалела о Большой библиотеке Клэйр. Ах, если бы вернуться назад! Но это желание, заодно с ее извечной тоской по белым одеяниям и серебряному, с лунными камнями венчику полноправной Дочери Клэйр, пришлось решительно затолкать куда-то в глубины подсознания. Теперь она – Абхорсен, и перед ней стоит великая и судьбоносная задача.

– Да, – повторила девушка. – Нам пора. И пойдем мы через колодец.

Глава вторая. Вниз, в глубину

Как только решение было принято, подготовка к уходу заняла чуть больше часа. Со времен своих занятий боевыми искусствами – сколько же лет прошло с тех пор? – Лираэль впервые облачилась в броню, но доспех, принесенный фантомами, оказался не таким тяжелым, как кольчужные панцири, хранившиеся в оружейной комнате при тренировочном зале у Клэйр. Броня вся целиком состояла из крохотных, частично перекрывающих друг друга пластинок или чешуек из какого-то неизвестного девушке материала и, невзирая на то что доходила до самых колен, а длинные рукава раздваивались, как ласточкин хвост, сидела на удивление легко и удобно. Кроме того, от нее не исходил характерный запах промасленной стали, чему Лираэль несказанно обрадовалась.

Шкодливая Псина объяснила девушке, что чешуйки представляют собою некую разновидность керамики под названием «джетр», сотворенную с помощью магии Хартии. Сама по себе она не магическая, хотя крепче и легче любого металла. Секрет ее создания давно утерян, и новых доспехов не делали вот уже тысячу лет.

Лираэль ощупала одну из пластинок и, к удивлению, поймала себя на мысли: «А ведь Сэм сможет такое смастерить!» – хотя сама не понимала, с чего ей это пришло в голову.

Поверх брони Лираэль набросила сюрко, изукрашенное золотыми звездами и серебряными ключами. Бандольер с колокольцами полагалось носить поверх сюрко, но Лираэль еще только предстояло его надеть. Сэм неохотно принял у нее ветряную флейту, но Темное Зеркало по-прежнему покоилось в ее поясном кошель. Девушка знала: весьма вероятно, ей снова понадобится заглянуть в прошлое.

Снаряжение Лираэль довершали ее меч, Нэхима, лук с колчаном, полученные от Клэйр, и легкий рюкзак. Смышленные фантомы весьма ловко упаковали в него все то, на что девушка еще и посмотреть толком не успела.

Прежде чем спускаться вниз, где уже дожидались Сэм с Моггетом, Лираэль на мгновение замешкалась и погляделась в высокое серебряное зеркало, висящее на стене ее комнаты. Отразившийся в нем образ мало походил на вторую помощницу библиотекаря из Библиотеки Клэйр. Взору Лираэль предстала воинственная, мрачноватая молодая особа; темные волосы схвачены сзади серебряным шнуром, а не падают свободно на лицо. Одета она уже не в библиотечную жилетку, а вместо выданного библиотекой кинжала на боку у нее висит длинная Нэхима. И все-таки совсем отказаться от своей прежней сущности девушка не могла. Она вытянула из красной жилетки одну-единственную нитку алого шелка, ухватив ее за висящий кончик, намотала на мизинец, так, чтобы получилось колечко, оборвала и засунула в поясной кошелек с Темным Зеркалом. Пусть она больше не носит жилетку, небольшая ее часть всегда и везде пребудет с нею.

«Я стала Абхорсеном, – подумала Лираэль. – По крайней мере, внешне».

Самой явной приметой ее новой сущности и ее новообретенных способностей преемника Абхорсена явился бандольер с колокольцами. Тот самый, что загадочным образом появился в доме прошлой зимой: именно его Сабриэль вручила Сэму. Лираэль по очереди ослабляла ремешки на футлярах и просовывала внутрь пальцы, ощущая холод серебра и красного дерева и тонкое равновесие между Свободной магией и знаками Хартии в металле и древесине. Лираэль была достаточно осторожна – ни один из колокольцев не звякнул, но даже прикосновения пальца к кромке купола оказалось довольно, чтобы отчасти призвать голос и суть каждого из колокольцев.

Наименьший из колокольцев – это Ранна. Иные зовут его снотворцем или усыпляющим, его голос звучит нежной колыбельной и убаюкивает всех, кто его слышит.

Второй – это Мозраэль, пробуждающий. Лираэль коснулась его совсем легонько, ведь Мозраэль уравнивал Жизнь и Смерть. Если правильно им воспользоваться, он вернет мертвого обратно в Жизнь, а прозвонившего отбросит из Жизни в Смерть.

Третий – это Кибет, вожатый. Кибет дарует свободу передвижения мертвым; также им можно воспользоваться, чтобы заставить мертвых идти туда, куда угодно звонарю. Но он способен обратиться против владелицы и повести ее куда-нибудь – обычно туда, куда ей вовсе не хочется.

Четвертый зовется Дайрим, глашатай, самый мелодичный из всех, согласно «Книге мертвых», и один из самых сложных в использовании. Дайрим способен вернуть дар речи давно безгласному мертвому. А еще он умеет открывать чужие секреты и даже позволяет читать мысли. Наделен он и более зловещими способностями, за что так любим некромантами, ведь Дайрим может заставить не в меру разговорчивый язык умолкнуть навеки.

Имя пятого колокольца – Бельгаэр, разумный. Бельгаэр умеет исцелять источенное Смертью сознание, восстанавливать в мертвом и память, и мысли. А еще он способен стереть эти мысли, как в Жизни, так и в Смерти, и используется некромантом, чтобы лишить врагов разума. Но иногда он расщепляет сознание самого некроманта, ведь Бельгаэру нравится звук собственного голоса, и колокол только и ждет возможности спеть по своей воле.

Шестой – это Саранет, он же налагающий оковы. Саранет – любимый колокол всех Абхорсенов: массивный и надежный, могучий и верный. С помощью Саранета подчиняют и сковывают мертвых, заставляя их повиноваться желаниям и указаниям звонаря.

Лираэль очень не хотелось дотрагиваться до седьмого колокола, но девушке казалось, что неучтиво будет презреть самый могущественный из колоколовцев, пусть даже прикосновение к нему леденит и пугает.

Астараэль, плакальщик. Этот колокол низвергает в Смерть всех, кто его слышит.

Лираэль отдернула палец и методично проверила каждый из футляров, на месте ли кожаные прокладки и туго ли затянуты ремешки, – причем так, чтобы при необходимости их можно было расстегнуть одной рукой. Только тогда девушка надела бандольер. Колокольцы принадлежали ей: она приняла оружие Абхорсенов.

Сэм дождался за входной дверью, присев на крыльцо. Он тоже облачился в броню и вооружился как должно, хотя ни лука, ни бандольера при нем не было.

– Я нашел его в оружейной, – сообщил юноша, демонстрируя меч и наклоня лезвие так, чтобы Лираэль разглядела выгравированные на стали знаки Хартии. – Это не один из именных мечей, но в него вложены чары, уничтожающие мертвых.

– Лучше поздно, чем никогда, – фыркнул Моггет, угрюмо восседающий на верхней ступеньке.

Не обращая внимания на кота, Сэм вытащил из рукава бумажный листок и вручил его Лираэль.

– Вот послание, что я отправил с вестовым соколом на Бархедрин. Стража тамошнего форта доставит его к Стене, его передадут анцельстьеррцам на ту сторону, а те... гм... с помощью такой штуки под названием «те ле граф» перешлют его моим родителям в Корвир. Вот поэтому оно написано телеграфным стилем. Для тех, кто к нему не привычен, он выглядит ужасно странно. В вольере сидели четыре сокола – не считая того, которого прислала Эллимир, этот еще с неделю-две летать не сможет, – так что двух я отправил в Белизаэр к сестре, а двух – на Бархедрин.

Лираэль взглядела в листок, на котором ровным Сэмовым почерком печатными буквами было написано:

КОМУ: КОРОЛЮ ОСЕЛКУ И АБХОРСЕНУ САБРИЭЛЬ
ПОСОЛЬСТВО ДРЕВНЕГО КОРОЛЕВСТВА
КОРВИР АНЦЕЛЬСТЬЕРР

КОПИЯ: ЭЛЛИМИР ВЕСТСОКОЛОМ
ДОМ ОКРУЖЕН МЕРТВЫМИ ЗПТ ПЛЮС ХЛЁРР ТЕПЕРЬ
ВЕЛИКАЯ МЕРТВАЯ ТЧК ХЕДЖ НЕКРОМАНТ ТЧК НИК С ХЕДЖЕМ
ТЧК ЗЛО ВЫКПНО БЛИЗ ЗАКРАЯ
ТЧК ЕДУ В ЗАКРАЙ ПЛЮС ТЕТЯ ЛИРАЭЛЬ БЫВШ КЛЭЙРА НЫНЕ
ПРЕЕМНИК АБХОРСЕНА ТЧК ПЛЮС МОГГЕТ ПЛЮС ХАРТИЙНАЯ
ПСИНА ЛИРАЭЛЬ ТЧК СДЕЛАЮ ЧТО СМОГУ ТЧК ШЛИТЕ ПОМОЩЬ
СРОЧНО ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ САМИ ТЧК ПОСЛАНО ЗА ДВЕ НЕДЕЛИ ДО
СРДНЫ ЛЕТА СЭМЕТ КОНЕЦ СВЯЗИ

«Письмо и в самом деле написано странно, но смысл понятен», – подумала Лираэль. А учитывая очень небольшой объем памяти вестовых соколов, «телеграфный стиль», пожалуй, весьма уместен даже там, где телеграф не задействован.

– Надеюсь, соколы доберутся до места, – промолвила девушка, возвращая листок Сэму. Где-то там, в тумане, поджидали вороны-кровавики – стая мертвых птиц, оживленных одним-единственным мертвым духом. Вестовым соколам придется пробиться сквозь этот страшный рой и, возможно, другие опасности, прежде чем они устремятся к Бархедрину и к Белизаэру.

– Рассчитывать на это мы не можем, – произнесла Псина. – Ну что, все готовы спускаться в колодец?

Лираэль сошла с крыльца и сделала несколько шагов по мощенной красным кирпичом дорожке. Повела плечами, вскидывая рюкзак повыше на спину, потуже затянула ремни. Посмотрела вверх, на ясное небо – на крохотный клочок синевы, стиснутый стенами тумана с трех сторон и с четвертой – маревом над водопадом.

– Я, наверное, готова, – объявила она.

Сэм подхватил рюкзак, но не успел еще забросить его на спину, как Моггет запрыгнул на самый верх и забился под откидной клапан. Теперь только зеленые глазищи посверкивали из темноты, да одно белое пушистое ухо торчало наружу.

– Помните, что я отговаривал вас от этого пути, – промурлыкал он. – Разбудите меня, как только стрясется что-нибудь ужасное – или если я чего доброго вымокну.

И, не дожидаясь ответа, Моггет втиснулся в рюкзак глубже. Теперь исчезло и ухо; глаза погасли.

– И как так вышло, что я таскаю его на себе? – удрученно осведомился Сэм. – Вообще-то, считается, что он – слуга Абхорсена!

Из-под клапана высунулась лапа – и острый коготок впился Сэму в загривок, хотя и не до крови. Сэм, поморщившись, ругнулся сквозь зубы.

Псина поднялась на задние лапы, а передними уперлась в рюкзак. Сэм качнулся вперед – и ругнулся снова.

– Никто тебя не потащит, Моггет, пока вести себя не научишься, – заявила собака.

– И рыбы тоже не получишь, – пригрозил Сэм, потирая шею.

Какая-то из этих угроз сработала, а возможно, что и обе вместе; впрочем, не исключено, что Моггет просто уснул. Как бы то ни было, ни коготь, ни ехидный кошачий голос больше не давали о себе знать. Псина опустилась на землю, Сэм подтянул стропы рюкзака, и все зашагали по мощенной кирпичом дорожке.

Входная дверь закрылась сама собою, Лираэль обернулась и увидела, что во всех окнах теснятся фантомы. Сотни и сотни фантомов жались к стеклам так, что их одеяния с капюшонами казались шкурой какого-то гигантского существа, а слабо светящиеся кисти рук – множеством глаз. Слуги не махали им, они вообще не двигались, но Лираэль владело неуютное чувство, будто фантомы с ней прощаются. Словно на возвращение этого преемника Абхорсена вообще не рассчитывают.

От главного входа до колодца было не более тридцати ярдов, он прятался в густых зарослях шиповника. Сэм с Лираэль безжалостно повывдирали шипастые ветки, через каждые несколько минут останавливаясь и посасывая исколотые пальцы. Девушке подумалось, что шипы здесь непривычно длинные и острые, впрочем, она плохо разбиралась в цветах. У Клэйр были подземные сады и обширные оранжереи, подсвеченные знаками Хартии, но там выращивали по большей части фрукты и овощи; розарий создали только один.

Тропинку между шиповником расчистили, и взгляду Лираэль открылась круглая деревянная крышка из толстых дубовых досок, около восьми футов в диаметре, надежно вставленная в невысокий бортик из белых камней. В четырех местах крышку надежно удерживали бронзовые цепи, звенья которых были вмонтированы прямо в камень и прикручены к деревянной крышке болтами, что позволяло обойтись без замков.

По дереву и бронзе скользили закрывающие и запирающие знаки Хартии, их тусклый блеск почти терялся в солнечном свете, но вот Сэм коснулся крышки, и символы ослепительно вспыхнули.

Сэм, положив руку на одну из бронзовых цепей, пытался прочувствовать знаки и изучить заклинание. Лираэль заглянула ему через плечо. Больше половины этих символов были ей незнакомы, а вот Сэм бормотал себе под нос их имена, точно знал их назубок.

– Ты можешь его открыть? – спросила Лираэль. Она помнила десятки заклинаний, открывающих ворота и двери, и неплохо наловчилась проникать туда, где ей не полагалось быть в Большой библиотеке Клэйр. Но девушка инстинктивно понимала, что здесь ни одно из этих заклятий не сработает.

– Думаю, да... – неуверенно отозвался Сэм. – Очень необычное заклинание, и так много незнакомых знаков! Но насколько я смог разобраться, открыть крышку можно двумя способами. Одного я вообще не понимаю. А вот второй...

Прервавшись на полуслове, он снова дотронулся до цепи, и знаки Хартии, покинув бронзу, заскользили по его коже – и перетекли в древесину.

– Кажется, от нас требуетсядохнуть на цепи... или поцеловать их... вот толькоудастся это не всякому. Заклинание гласит: «Дыхание моих детей». Но я никак не могу разобрать, что это еще за дети и что все это значит. Наверное, любые дети Абхорсена.

– А ты попробуй, – предложила Лираэль. – Для начала простодохни, ну так, на всякий случай.

Сэм неуверенно нагнулся, вдохнул поглубже и подул на цепь.

Под его дыханием бронза затуманилась и потускнела. Знаки Хартии замерцали, пришли в движение. Лираэль заворуженно ждала, что будет дальше. Сэм выпрямился и опасливо отодвинулся подальше, а Шкодливая Псина, напротив, подошла ближе и принялась.

Внезапно цепь громко закричала – все разом отскочили назад. Из вроде бы твердого камня выползло новое звено, а за ним еще и еще. Цепь с грохотом и лязгом витками ложилась на землю. Не прошло и нескольких секунд, как она удлинилась на лишних шесть или семь футов: вполне достаточно, чтобы приподнять один край колодезной крышки.

– Отлично, – похвалила Шкодливая Псина. – А теперь ты, хозяйка.

Лираэль склонилась над следующей цепью и легонько подула на нее. В первое мгновение ничего не произошло, и девушку захлестнули неуверенность и страх. Она еще не свылась с новым для себя статусом Абхорсена и тут же засомневалась в себе.

Но вот цепь словно подернулась изморозью, знаки ярко вспыхнули, и из камня с металлическим лязгом поползли новые звенья. На этот звук почти тотчас же с другой стороны откликнулось эхо: Сэмдохнул на третью из цепей.

Лираэль подула на последнюю и, переводя дыхание, тронула ее пальцем. Знаки затрепетали под ее рукой. Это откликнулось заклинание Хартии, понимая: его час пробил. Так бегун

напрягает мышцы перед стартом – когда на мгновение время словно застывает в неподвижности.

Высвободив цепи, Лираэль с Сэмом смогли чуть приподнять крышку, а затем и сдвинуть ее в сторону. Крышка оказалась очень тяжелой, так что совсем ее убирать не стали, просто расширили отверстие достаточно, чтобы пролезть в него с рюкзаками.

Лираэль ожидала, что снизу потянет затхлой сыростью, пусть даже Псина и предупреждала, что колодец сух. Но из-под крышки пахло отнюдь не стоячей водой – хотя достаточно сильно, чтобы перебить благоухание роз. Этот приятный травяной дух девушке никак не удавалось опознать.

– Что я чувствую? – спросила она у Псины. Собачий нос зачастую улавливал такие запахи и ароматы, каких Лираэль не замечала и даже назвать и вообразить не могла.

– Очень мало чего. Разве что за последнее время твой нюх заметно улучшился.

– Я не о том, – терпеливо объяснила девушка. – Из колодца пахнет чем-то очень знакомым. Растением каким-то или пряностью. Не могу определить, что это.

Сэм потянул носом воздух и задумчиво наморщил лоб.

– Вроде приправа какая-то, – объявил он. – Нет, повар из меня никудышный. Но я помню этот аромат по дворцовым кухням: так пахнет, когда баранину жарят, кажется.

– Это розмарин, – коротко пояснила Псина. – И еще амарант, хотя его-то вы вряд ли чувствуете.

– Верность в любви, – донеслось из Сэмова рюкзака. – И цветок, над которым не властно увядание. И ты по-прежнему будешь меня уверять, что ее там нет?

Не удостоив Моггета ответом, Псина сунула нос в колодец. Она принюхивалась по меньшей мере с минуту, заглядывая все глубже и глубже. И наконец подняла голову, дважды чихнула и помотала мордой:

– Старые запахи, старые заклинания. Аромат уже слабеет.

Лираэль тоже принюхалась, но Псина была права. Теперь девушка не чувствовала вообще ничего, кроме благоухания роз.

– Тут есть лестница, – сообщил Сэм. Он тоже вглядывался в колодец, а над головой у него дрожал наколдованный Хартией огонек. – Бронзовая, как и цепи. Интересно почему. Дна, впрочем, не вижу... и воды тоже.

– Я пойду первой, – объявила Лираэль. Сэм собрался было запротестовать, но передумал и отступил в сторону. Потому ли, что испугался, или потому, что безропотно повиновался авторитету новообретенной тети, или потому, что она теперь – преемник Абхорсена, – кто знает!

Девушка заглянула в колодец. Бронзовая лестница, тускло поблескивая у края, исчезала во тьме. В Большой библиотеке Клэйр Лираэль исследовала многочисленные темные и опасные туннели и переходы из конца в конец, но то было в пору неискушенной наивности, хотя опасностей на ее долю досталось немало. А сейчас девушка всем своим существом ощущала: в мире пришли в движение могучие и злобные силы и уже вершится ужасный рок. Мертвые, окружившие дом, – лишь небольшая, зримая часть этого рока. Лираэль вспомнила видение, явленное ей Клэйрами: раскоп близ Красного озера и отвратительная вонь Свободной магии, исходящая от той загадочной находки, которую постепенно извлекали из земли.

«Сойти вниз, в темную глубину, – это ведь только начало», – думала Лираэль. Ее первый шаг на ступеньку бронзовой лестницы – это первый настоящий шаг в ее новом качестве, первый шаг Абхорсена.

Девушка оглянулась напоследок на солнце, игнорируя громоздящиеся стены тумана по обе стороны. А затем опустилась на колени и осторожно перебралась в колодец, ногой нащупывая надежную опору ступенек.

За хозяйкой последовала Шкодливая Псина. Лапы ее удлинились, выпустили на концах по четыре коротких толстых пальца, способных хвататься за перекладины еще ловчее человеческих. Собачий хвост так и ходил ходуном и через каждые несколько ступенек задевал Лираэль по лицу. Подобного энтузиазма девушка никак не разделяла бы, даже будь у нее собственный хвост.

Сэм шел последним, огонек Хартии все еще парил над его головой. Могтет ехал в рюкзаке, надежно забившись под клапан.

Сэмовы подбитые гвоздями сапоги звякнули о перекладины, и в ответ сверху донесся лязг: цепи внезапно сократились в длине и втянулись в камень. Юноша едва успел отдернуть руки, как крышка сдвинулась, поползла и с оглушительным грохотом обрушилась на место.

– Ну что ж, возвращаться придется другим путем, – с наигранной бодростью объявил Сэм.

– Если вообще придется, – мяукнул Могтет – так тихо, что, вероятно, никто его не услышал. Но Сэм на миг замешкался, а Псина глухо, утробно зарычала. Лираэль продолжала спускаться, бережно лелея в сердце последнее воспоминание о солнышке, по мере того как они уходили все глубже в темные недра земли.

Глава третья. Амарант, розмарин и слезы

Лестница уводила все ниже, и ниже, и ниже. Поначалу Лираэль пыталась считать перекладины, но, дойдя до девятьсот девяноста шести, сдалась. А спуск между тем никак не заканчивался. Лираэль тоже наколдовала огонек Хартии: он реял у самых ног девушки, в придачу к тому, что подрагивал над головою Сэма. В свете этих двух ярко сияющих шариков, глядя, как по стенам колодца пляшут тени перекладин, Лираэль тут же вообразила себе, что они отчего-то застряли на лестнице и преодолевают один и тот же участок снова и снова.

Из заколдованного круга им никогда уже не выбраться. Эта фантазия овладевала девушкой все сильнее, и вот она уже почти поверила в нее окончательно, как вдруг нога ее ступила не на очередную бронзовую перекладину, а на камень, и огонек Хартии, ударившись об пол, отскочил аж до коленей.

Вот оно, дно колодца! Лираэль произнесла знак Хартии, и ее огонек взмыл вверх, навстречу сказанному слову, и закружился над ее головой. В этом свете девушка разглядела, что они оказались в прямоугольном зале, грубо вырубленном в ярко-красном камне. Из зала в темноту уходил коридор. Рядом со входом в него стояло железное ведро с какими-то палками, сверху обмотанными промасленными тряпками. По-видимому, это были факелы.

Лираэль отошла от лестницы. Шкодливая Псина прыгнула вниз, к ней, а за собакой последовал и Сэм.

– Наверное, нам туда, – прошептала Лираэль, указав на коридор. Отчего-то ей почудилось, что лучше бы не повышать голоса.

Псина принялась и кивнула.

– А не взять ли нам... – Лираэль потянулась к одному из факелов. Но не успела до него даже дотронуться, как факел обратился в пыль. Девушка отшатнулась, едва не упала, споткнувшись о Псину, а та, отпрянув назад, врезалась в Сэма.

– Осторожно! – крикнул юноша. Его голос эхом отразился от стен колодца и прокатился по коридору.

Лираэль снова протянула руку, на сей раз куда осторожнее, но остальные факелы тоже рассыпались в прах. Она коснулась ведра – и ведро словно схлопнулось, превратилось в грудку проржавевших осколков.

– Время сбоя не дает, – загадочно произнесла Псина.

– Пойдемте, что ли, – произнесла Лираэль, обращаясь скорее к себе самой, нежели к кому-либо. На самом деле в факелах они не нуждались, разве что спокойствия ради.

– Чем быстрее, тем лучше, – поддержала ее Псина, снова принявшись. – Не стоит здесь задерживаться.

Лираэль кивнула. Шагнула было вперед, но замешкалась – и извлекла из ножен меч. На лезвии ярко вспыхнули знаки Хартии, и имя меча рябью заструилось по стали вниз, на краткий миг преобразовавшись в надпись, которую Лираэль уже видела прежде. Или нет? Девушка не помнила; а слова стекли по клинку слишком быстро, чтобы убедиться наверняка.

«Клэйры провидели меч, и я обрела бытие. Помни Созидателей Стены. Помни меня».

О чем бы ни была надпись, новый источник света приободрил Лираэль – а может, не свет, а само ощущение Нэхимы в руке.

За ее спиной Сэм в свой черед обнажил меч. И выждал несколько секунд, дав девушке пройти немного вперед. Похоже, ему очень не хотелось споткнуться ненароком и проткнуть Псину или Лираэль сзади; со своей стороны, Лираэль всей душой одобряла подобную предосторожность.

На протяжении первых ста шагов или около того коридор выглядел рукотворным. Но обработанный камень резко закончился: путники вышли в туннель, к созданию которого не

был причастен никакой инструмент. Красная порода сменилась бледной зеленовато-белой. В ней отражались знаки Хартии, так что Лираэль даже прищурилась. Туннель, похоже, явился результатом размывания и выветривания, а не трудов человеческих: на потолке, и на полу, и на стенах просматривались следы бесчисленных водоворотов и вихрей. Но даже они казались странными и нездешними, не такими, как следует, хотя девушка затруднилась бы объяснить почему. Она просто ощущала их чужеродность.

– Этот туннель не вода проложила. – Теперь и Сэм понизил голос до шепота. – Разве что вода эта текла сразу в двух направлениях, вперед и назад, причем на разных уровнях. И камня такого я в жизни не видел...

– Надо поторопиться, – подсказала Псина. Что-то в ее голосе заставило Лираэль ускорить шаг. Непривычная тревога – или даже страх.

Друзья зашагали быстрее – так поспешно, как только могли себе позволить, чтобы только не споткнуться и не провалиться в какую-нибудь непредвиденную яму. Станный мерцающий туннель тянулся, по ощущениям, несколько миль и наконец вывел в пещеру, снова вырубленную неведомым способом в том же самом «зеркальном» камне. От пещеры отходило целых три туннеля. Лираэль с Сэмом остановились, а Псина тщательно обнюхала каждый из выходов.

В углу пещеры обнаружилась груда камней, – по крайней мере, так показалось Лираэль. Однако когда она пригляделась повнимательнее, выяснилось, что на самом деле это куча древних, рассыпающихся в порошок костей вперемешку с осколками металла. Поворошив кучу носком сапога, девушка откопала несколько пластинок потемневшего серебра и фрагмент человеческой челюсти с одним сохранившимся зубом.

– Не трогай, – торопливо предостерег Сэм, едва девушка нагнулась рассмотреть кусочки металла поближе.

Рука Лираэль замерла на полпути.

– Почему нет?

– Сам не знаю, – прошептал Сэм, непроизвольно поеживаясь. – Но мне кажется, это металл колокольных. Лучше оставить его в покое.

– Да, – кивнула девушка. Она выпрямилась, с трудом сдерживая дрожь. Человеческие кости и металл колокольных. Они нашли Каллиэля. Что же это за место? И почему Псина все никак не решит, по какому из коридоров пойти?

Лираэль задала свой вопрос вслух, и Шкодливая Псина перестала принюхиваться и указала правой лапой на центральный туннель.

– Сюда, – вымолвила она, как показалось Лираэль, без особого энтузиазма. Голос Псины прозвучал не слишком уверенно, а указующая лапа чуть дрогнула. На состязании по ориентированию собаке тут же скостили бы очки.

Туннель оказался заметно шире предыдущего, и потолок уходил куда выше. Здесь Лираэль чувствовала себя совсем по-другому, и не просто потому, что стало куда просторнее. Поначалу девушка не вполне понимала, что не так, но быстро сообразила: в воздухе сильно похолодало. А потом еще это странное ощущение вокруг стоп и лодыжек – словно стремительный поток пронесется то в одну сторону, то в другую, вот только никакой воды нет.

А может, все-таки есть? Глядя прямо перед собою или вниз, Лираэль видела только камень. Но если посмотреть искоса, краем глаза, можно заметить, как нахлынули темные воды. Накатили сзади, пронеслись мимо, повернули назад – так волна захлестывает берег. И волна эта пыталась сбить чужаков с ног и оттащить туда, откуда они пришли.

Все это пугающе напоминало реку Смерти. Но Лираэль вовсе не ощущала себя в Смерти, и, если не считать усиливающегося холода и различимой краем глаза реки, все чувства девушки свидетельствовали: она со всей определенностью находится в Жизни, пусть и в очень странном туннеле глубоко под землей.

А затем вновь запахло розмарином и еще чем-то нежно-сладковатым, и в это самое мгновение колокольцы в бандольере на груди у девушки завибрировали в своих футлярах. Кожа-ные прокладки не давали язычкам звякнуть, но девушка чувствовала, как они встрепенулись и задергались, словно пытаясь высвободиться.

– Колокольцы! – охнула Лираэль. – Они как будто ожили!.. Не понимаю, что...

– Флейта! – воскликнул Сэм, и девушка услышала, как трубки отозвались диссонантной разноголосицей всех семи колокольников, а в следующий миг звук резко оборвался.

– Нет! – проорал голос, по которому не сразу удалось опознать Моггета. – Нет!

– Бежим! – взревела собака.

Среди всеобщей неразберихи, криков, воплей и рычания огонек Хартии над головой девушки внезапно померк до слабого отблеска.

А затем – погас вовсе.

Лираэль остановилась. От знаков на лезвии Нэхимы тоже исходил какой-никакой свет, но и он постепенно гас, а меч странным образом изогнулся в ее руке. Волнообразно задвигался – никакая сталь на такое не способна! – и ожил: это уже не меч, это какое-то похожее на угря существо извивается и растет в ее руках. Зеленый камень в навершии превратился в яркое недремлющее око, а серебряная проволока, коей была перевита рукоять, – в ряд блестящих зубов.

Лираэль зажмурилась и убрала меч в ножны – с силой вогнала внутрь и облегченно выпустила рукоять из пальцев. А затем открыла глаза и огляделась. Точнее, попыталась оглядеться. Золотой свет Хартии погас, вокруг царила темнота. Непроглядная тьма подземных недр.

В черной пустоте послышалось, как трещит и рвется ткань. Сэм коротко вскрикнул.

– Сэм! – окликнула его девушка. – Сюда! Псина!

Ответа не последовало, но в темноте раздалось утробное рычание, а в ответ ему зазвучал тихий шелестящий смех. Жутковатое, злорадное хихиканье, от которого у девушки мороз пробежал по коже. Хуже всего, в этом звуке слышалось что-то знакомое. Это был смех Моггета, только искаженный и оттого еще более зловещий.

Лираэль в отчаянии попыталась дотянуться до Хартии и призвать новое заклинание света. Но Хартии не было. Вместо Хартии девушка ощутила страшное, леденящее, такое знакомое присутствие. Смерть. Только ее Лираэль и чувствовала.

Хартия исчезла, либо девушке просто не удавалось установить с нею связь.

Лираэль понемногу охватывала паника, а хихиканье звучало все громче, и темнота давила на девушку со всех сторон. Но тут взгляд ее различил едва заметную перемену – смутно-сероватые тона во мраке; на краткий миг Лираэль понадеялась, что вот-вот посветлеет. И тут мимолетный проблеск вспыхнул искрой, зашипел и начал стремительно расти, пока не превратился в озеро ослепительно-яркого белого света. А вместе со светом нахлынула раскаленная металлическая вонь Свободной магии. Этот запах прокатывался волнами из конца в конец и всякий раз вызывал непроизвольный спазм, и к горлу Лираэль подступала желчь.

Сэм тронулся с места вместе со светом и оказался рядом с Лираэль, словно просто перетек туда. Рюкзак его был открыт сверху, разлохмаченные края недвусмысленно свидетельствовали, что кто-то силой прорвался на свободу. Меч юноши покоился в ножнах; принц обеими руками держал флейту, пальцами затыкая отверстия. Флейта вибрировала, издавая низкий гудящий звук; Сэм тщетно пытался заглушить его. Лираэль, в свою очередь, крепко прижимала рукою бандольер к груди, пытаясь унять колокольцы.

Псина стояла между озерцом белого огня и Лираэль, вот только это была уже совсем не та собака, к которой так привыкла девушка. Она еще сохраняла песье обличье, но ошейник со знаками Хартии исчез, и Псина снова превратилась в существо, состоящее из непроглядной тьмы, обведенной контуром серебряного пламени. Вот она оглянулась и распахнула пасть.

– Она здесь! – пророкотал голос, вроде бы принадлежащий Псине и в то же время чужой; от него заложило уши и заломило зубы. – Могтет на свободе! Бежим!

Лираэль с Сэмом словно приросли к месту; эхо песьего голоса прокатывалось над их головами. Озерцо белого пламени, потрескивая, рассыпало искры и постепенно раскручивалось против часовой стрелки, поднималось все выше, образуя веретенообразную, тощую, похожую на человека фигуру.

Но позади освобожденного Моггета – ибо это он и был – сиял свет еще более яркий. Такой яркий, что Лираэль осознала: она же зажмурилась и видит его сквозь сомкнутые веки, причем их буквально прожигает насквозь образ женщины. Женщины невысказанно высокой: даже в таком просторном туннеле ей приходилось пригибать голову. Вот она наклонилась и протянула руки, чтобы схватить и существо, некогда бывшее Моггетом, и Псину, и Лираэль, и Сэма.

Перед светозарной женщиной и вокруг нее плескалась стылая река. Лираэль сразу ее узнала. Это река Смерти, и грозное существо направляет поток прямо на них. Они не смогут его перейти: их захлестнет и унесет прочь. Течение, немилосердно швыряя незваных гостей вверхвниз, помчит их к Первым Вратам и дальше. И выбраться обратно им уже ни за что не удастся.

В голове Лираэль успели промелькнуть лишь две-три последние страшные мысли.

Как быстро они потерпели неудачу!

Сколь многое от них зависело.

И теперь все потеряно.

Но тут Шкодливая Псина рявкнула: «Бежим!» – и залаяла.

В лае звучала Свободная магия. Не открывая глаз, не сознавая, что делает, Лираэль стремительно развернулась и внезапно обнаружила, что бежит – бежит что есть духу, не разбирая дороги, бежит, как никогда прежде не бегала. Она мчалась сломя голову в неизвестность, прочь от колодца и от дома, ноги сами несли ее по изгибам и поворотам туннеля, пусть белый свет остался далеко позади, а в крошечной тьме девушка сама не поручилась бы, открыты у нее глаза или нет.

Она бежала через пещеры и залы, по узким коридорам и проходам, не зная, следует ли за ней Сэм и нет ли за нею погони. Гнал ее не страх – никакой боязни она не испытывала. Она словно перестала быть собою. Запертая внутри собственного тела, она превратилась в машину, которая стремилась все вперед и вперед, не чувствуя, не рассуждая, следуя указаниям извне.

Наконец побуждение бежать иссякло – так же внезапно, как возникло. Лираэль рухнула на пол, содрагаясь всем телом и вбирая воздух изголодавшимися легкими. Все мышцы невыносимо ныли, девушка поджала сведенные судорогой ноги и принялась лихорадочно массировать икры, стараясь не закричать от боли.

Рядом кто-то занимался тем же самым, и по мере того, как возвращалось сознание, Лираэль обнаружила, что это Сэм. Откуда-то сверху сочился смутный свет – достаточно, чтобы разглядеть спутника. Вполне естественный свет, пусть и рассеянный.

Лираэль опасливо коснулась бандольера. Он был неподвижен: колокольцы уснули. Пальцы девушки легли на рукоять Нэхимы и с облегчением ощутили прочность зеленого камня в намерении и серебряную проволоку, которая была всего лишь серебряной проволокой, и не больше.

Сэм, застонав, поднялся на ноги. Опершись о стену левой рукой, правой он убрал флейту с глаз подальше. На глазах Лираэль рука эта чуть двинулась в четком, выверенном жесте, и в ладони засиял огонек Хартии.

– Ее вообще не было, представляешь, – проговорил Сэм, соскальзывая вниз по стене и усаживаясь на пол лицом к Лираэль. Парень казался спокойным, но последствия пережи-

того потрясения явно сказывались. Лираэль осознала, что и для нее пережитое не прошло бесследно, когда попыталась встать – и не смогла.

– Да, – отозвалась она. – Это ты про Хартию.

– В том странном месте Хартии не было, – продолжал Сэм. – А кто такая *она*?

Лираэль помотала головой, разгоняя туман в сознании и одновременно давая понять, что ответить не в силах. И тотчас же снова встряхнула ею, пытаясь собраться с мыслями.

– Наверное... нам нужно вернуться, – сказала она, вспомнив, как Псина, защищая ее, одна противостояла Моггету и той светозарной женщине во тьме. – Я не могу бросить Псину.

– А как насчет *нее*? – повторил Сэм. Лираэль отлично поняла, кого тот имеет в виду. – И Моггета?

– Не нужно никуда возвращаться, – раздался голос откуда-то из темных закоулков туннеля. Лираэль с Сэмом тотчас же вскочили на ноги, словно по волшебству обретая новые силы и решимость. Мечи вылетели из ножен, а Лираэль еще и за Саранет взялась, хотя понятия не имела, что ей делать с колоколом. И никакие подсказки из «Книги мертвых» или «Книги памяти и забвения» сами собою в голове не возникали.

– Да я это, я, – прозвучал обиженный голос, и на свет неспешно вышла Шкодливая Псина, поджав хвост и опустив голову. Если не считать этой нехарактерной для нее позы, Псина вроде бы снова пришла в норму – ну, насколько понятие нормы вообще могло быть применимо к ней. Вокруг ее шеи вновь сияли и переливались мягким светом бесчисленные знаки Хартии, а короткая шерстка, рыжеватая и словно запыленная, на спине казалась совсем черной.

Ни минуты не колеблясь, Лираэль отложила Нэхиму, кинулась к Псине и уткнулась лицом ей в шею. Собака лизнула хозяйку в ухо, но без обычного энтузиазма, а ласково куснуть ее даже не попыталась.

Сэм отступил на шаг, по-прежнему держа меч наготове.

– А Моггет где? – спросил принц.

– Она пожелала поговорить с ним, – ответила Псина удрученно и улеглась у ног Лираэль. – Я была не права. Я подвергла тебя страшной опасности, хозяйшка.

– Не понимаю, – отозвалась Лираэль. Внезапно на девушку накатила страшная усталость. – Что случилось? Хартия... Хартия вдруг словно... перестала быть.

– Это все потому, что пришла *она*, – объяснила Псина. – Судьба ее такова, что сама она – ее осознанная сущность – обречена всегда находиться вне того, что ею создано, то есть вне Хартии, частью которой стало ее бессознательное. И однако же, она удержала свою руку, когда могла с такой легкостью принять вас в свои объятия. Не знаю, почему она этого не сделала и что все это значит. Я-то думала, ей давно неинтересны события нашего мира, и надеялась, что мы беспрепятственно пройдем здесь. Но когда в действие приходят древние силы, многое пробуждается. Мне следовало догадаться, что так будет. Прости меня...

Лираэль в жизни не видела Псину такой присмирившей, и это зрелище напугало девушку куда сильнее, чем пережитые ужасы. Она почесала собаку за ушами и под подбородком, пытаясь подбодрить и утешить, а не только успокоиться самой. Но руки ее дрожали, и Лираэль чувствовала, что вот-вот расплачется. Чтобы унять непрошеные слезы, она несколько раз вдохнула и выдохнула, медленно считая про себя.

– Но... но что будет с Моггетом? – дрожащим голосом спросил Сэм. – Он же освободился! Он попытается убить Абхорсена... маму... или Лираэль! А кольца, чтобы снова сковать его, у нас нет!

– Моггет долго обходил ее стороной, – пробормотала Псина. Помялась немного и тихо закончила: – Думаю, насчет Моггета можно больше не беспокоиться.

Лираэль выдохнула – а вот снова вдохнуть позабыла. Выходит, Моггет больше не вернется?

– Что? – удивился Сэм. – Но ведь он... ну не знаю, но он же достаточно могуществен... он же дух Свободной магии...

– Кто она такая? – спросила Лираэль. Очень строго спросила, взяв Шкодливую Псину за подбородок и пристально глядя в ее глубокие темные глаза. Собака попыталась отвернуться, но Лираэль держала крепко.

Псина зажмурилась, но трюк не сработал: девушка подула ей в нос, и глаза открылись сами собою.

– Незачем тебе знать, ты ведь все равно не поймешь. – В голосе Псины звучала неизбывная усталость. – На самом деле ее больше не существует, кроме как время от времени, тут и там, понемногу и в мелочах. Если бы мы не проследовали этим путем, ее бы не было, а теперь, когда мы прошли, ее не будет.

– А ну, рассказывай!

– Да ты сама знаешь, кто она, хотя бы отчасти, – промолвила Псина. И ткнулась носом в бандольер, оставив влажную отметину на кожаном футляре седьмого из колокольцев. По собачьему носу сбежала одна-единственная слезинка – и увлажнила руку девушки.

– Астараэль? – не веря ушам своим, переспросил Сэм. Это же самый пугающий из всех колокольцев: за то краткое время, что юноша пробыл хранителем бандольера, именно к седьмому он даже пальцем не притрагивался. – Плакальщик? То есть, выходит, плакальщица?

Лираэль наконец выпустила собачью морду, и Псина тут же спрятала голову в коленях девушки и глубоко, со всхлипом, вздохнула.

Лираэль снова почесала собаку за ушами, но, даже ощущая под рукой теплую песью шерсть, не удержалась от вопроса, который уже задавала ранее:

– Тогда что же такое ты? Почему Астараэль позволила тебе уйти?

Собака подняла взгляд на хозяйку и ответила просто:

– Я – Шкодливая Псина. Верная служанка Хартии и твой друг. Я всегда была и останусь твоим другом.

Вот теперь Лираэль не сдержала слез. Но тут же утерла глаза, ухватила собаку за ошейник и сдвинула в сторону, чтобы встать самой. Сэм подобрал Нэхиму и молча протянул клинок девушке. Едва Лираэль коснулась рукояти, знаки Хартии задрожали – по клинку словно рябь прошла, – но никакой надписи не появилось.

– Если ты уверена, что Моггет уже не придет, будь то скованным или освобожденным, тогда нам надо идти, – заявила Лираэль.

– Да, наверное, – с сомнением отозвался Сэм. – Вот только мне это... так странно. Я к Моггету вроде как привык, а теперь его просто... просто не стало? Ну то есть она... она его не убила, нет?

– Нет! – Псина не скрывала удивления подобному предположению. – Конечно нет.

– А что тогда с ним случилось? – не отступался Сэм.

– Нам про то неведомо, – отрезала Шкодливая Псина. – Наша цель – впереди, а Моггет остался позади.

– Ты точно уверена, что он не доберется до мамы или до Лираэль? – уточнил Сэм. Он хорошо знал недавнюю историю Моггета, и с тех пор, как он пешком под стол ходил, его неоднократно предупреждали, как опасно снимать с Моггета ошейник.

– Не сомневаюсь, что по ту сторону Стены твоей маме никакая опасность от Моггета не угрожает, – отозвалась Псина, отвечая лишь на половину заданного вопроса.

Похоже, Сэма собака не слишком убедила, но он неохотно кивнул, соглашаясь с песьими заверениями.

– Незавидное начало пути, – пробурчал Сэм. – Надеюсь, дальше будет лучше.

– Впереди – солнечный свет и выход на поверхность, – пообещала Псина. – Под солнышком ты почувствуешь себя счастливее.

– Да там уж, наверное, стемнело, – возразил Сэм. – Как долго мы пробыли под землей?
– Часа четыре, а то и все пять. – Лираэль нахмурилась. – Может, и больше, так что солнышка мы уже не застанем.

Она первой пересекла пещеру, но по мере того, как друзья приближались к выходу, становилось ясно, что солнце все-таки светит. Вскоре над головой обозначилась узкая расщелина, а сквозь нее проглянуло ясное синее небо в дымке водяной пыли от громадного водопада.

Выбравшись сквозь расщелину наружу, друзья оказались в нескольких сотнях ярдов западнее водопада, у основания Долгих утесов. Солнце находилось уже на полпути к западу, и его лучи зажигали в гигантском облаке водяных брызг, повисшем над водопадом, крохотные радуги.

– Полдень миновал, – отметил Сэм, затеняя глаза от яркого света. Он поглядел вдоль ряда утесов, а затем поднял руку, замеряя, на высоте скольких пальцев солнце висит над горизонтом. – Четырех еще нет.

– Мы почти целый день потеряли! – воскликнула Лираэль. Любая проволочка повышала вероятность провала, и сердце у девушки упало при мысли об этой неожиданной задержке. Неужели они провели под землей почти сутки?

– Нет, – заверила Псина. Она наблюдала за солнцем и принималась к воздуху. – Мы не потеряли дня.

– Неужто больше? – прошептала Лираэль. Да быть того не может! Если они каким-то непостижимым образом пробыли под землей несколько недель, значит они безнадежно опоздали!

– Нет. Сегодня мы ушли из дома – и это тот же самый день. С тех пор как мы спустились в колодец, прошло около часа. Может, даже меньше.

– Но... – вклинился было Сэм и тут же умолк на полуслове. Он помотал головой и оглянулся на расщелину в скале.

– Время и Смерть спят бок о бок, – объяснила Псина. – И оба – во власти Астараэль. Она, как смогла, помогла вам.

Лираэль кивнула, хотя благодетельствованной себя отнюдь не чувствовала. Ощущала она лишь потрясение и усталость; ноги немилосердно болели. Ей хотелось свернуться калачиком на солнышке и проснуться в Большой библиотеке Клэйр с ноющей шеей (еще бы – заснуть за рабочим столом!) и смутными воспоминаниями о тревожных кошмарах.

– Здесь я мертвых не чувствую, – заявила девушка, не позволяя себе замечтаться. – И раз уж нам подарили целых полдня, думаю, надо этим временем воспользоваться как должно. А как нам подняться обратно на утесы?

– Примерно в полутора лигах к западу есть тропа, – сообщил Сэм. – Очень узкая, сплошь крутые ступеньки, так что ею пользуются редко. На вершине наверняка нет ни тумана, ни приспешников Хлёрр. А дальше, лигах в двенадцати или около того, начинается Западная вырубка – по ней проходит дорога.

– А как называется ступенчатая тропа? – спросила Псина.

– Не знаю. Кажется, мама называла ее просто Ступенями. Тропа на самом деле довольно странная: совсем узкая, так что пройти можно только по одному, а сами ступеньки – невысокие и очень широкие.

– А я ее знаю, – промолвила Псина. – Там три тысячи ступеней, и все это ради пресной воды у подножия.

Сэм кивнул:

– Да, там, внизу, бьет родник, и вода и в самом деле вкусная. То есть кто-то построил такую лестницу только для того, чтобы попить водички?

– Ради воды – да, но не для того, чтобы пить. Хорошо, что тропа все еще там. Пойдем же к ней.

С этими словами собака перепрыгнула каменный завал, маскирующий расщелину и подземные пещеры.

Лираэль с Сэмом двинулись следом, хотя и не столь прытко, пробираясь между валунами. У обоих ныли все мышцы, обоим было о чем подумать. Так, Лираэль размышляла над словами Псины: «Когда в действие приходят древние силы, многое пробуждается». Девушка знала: то, что пытается откопать Николас – это могущественное зло; не приходится сомневаться, что его появление привело в движение многое другое. Вот, например, по всему королевству восстали мертвые. Но прежде Лираэль не приходило в голову, что при этом могли пробудиться и иные силы, и девушка не задумывалась над тем, как это скажется на их с Сэмом планах.

Не то чтобы у них был план, если на то пошло. Они просто несутся сломя голову, чтобы попытаться остановить Хеджа, спасти Николаса и позаботиться о том, чтобы загадочный артефакт так и остался лежать захороненным в кургане.

– Надо бы нам и впрямь составить настоящий план, – прошептала девушка. Но в голову не приходило никаких гениальных мыслей или озарений. Лираэль сосредоточенно пробиралась между камнями и через завалы следом за Шкодливой Псиной вдоль основания Долгих утесов. Сэм торопливо следовал за ней.

Глава четвертая. Пиршество воронов

К тому времени, как Лираэль, Сэм и Псина добрались до начала Ступеней, солнце уже почти село, а на равнину реки Раттерлин легли длинные тени Долгих утесов. Лираэль с легкостью отыскала родник – он разливался прозрачным бурлящим озерцом десяти ярдов в ширину, а вот найти, где начинаются ступени, оказалось труднее: узкую тропинку, врезанную глубоко в скалу, маскировали многочисленные выступы и торчащие там и тут неровные острые камни.

– А мы здесь ночью поднимемся? – опасливо поинтересовалась Лираэль, глядя вверх, на окутанный сумраком утес над ними и на последний тусклый отблеск солнца на высоте тысячи футов. Сама скала воздвиглась еще выше: вершина ее терялась где-то во мраке. Прежде Лираэль доводилось подниматься по многочисленным лестницам и пробираться по узким коридорам ледника Клэйр, но вот опыта путешествий под открытым небом, при свете солнца и луны, у нее не было.

– Нельзя рисковать и дожидаться света, – откликнулась Псина, которая, вопреки обыкновению, все больше помалкивала. Хвост ее, что обычно ходил ходуном или задорно торчал вверх, безвольно повис. – Я бы вас провела, хотя в темноте подниматься, конечно, опасно, если ступеньки местами обвалились.

– Луна будет яркая, – вмешался Сэм. – Прошлой ночью она была в третьей четверти, а небо довольно ясное. Но взойдет она только спустя час после полуночи, никак не раньше. Надо ее дожидаться – а то и всю ночь тут просидеть.

– Я не хочу ждать, – пробормотала Лираэль. – У меня такое чувство... смутная тревога, которую в словах не опишешь. То видение, что явили мне Клэйры, про меня и Николаса на Красном озере... Мне кажется, будто оно ускользает, уходит прочь, точно я того и гляди упущу нужный момент. Точно оно вот-вот станет прошлым, а не возможным будущим.

– Если мы сорвемся с Долгих утесов в темноте, быстрее мы до места не доберемся, – возразил Сэм. – И я не прочь подкрепиться и передохнуть пару часов, прежде чем начать подъем.

Лираэль кивнула. Она тоже очень устала. Икры ныли, тяжелый рюкзак натер плечи. Но была и другая усталость – усталость духа; девушка не сомневалась, что Сэм разделяет и ее тоже. Обоих до глубины души потрясла утрата Моггета, и на самом деле Лираэль хотелось одного – прилечь у прохладного родника и уснуть, в напрасной надежде, что новый день окажется удачнее. Это чувство было девушке хорошо знакомо по отроческим годам. Тогда она тщетно надеялась, что вот заснет, а утром проснется, уже обладая Прозрением. Теперь-то Лираэль знала: новый день ничего хорошего не принесет. Они нуждались в отдыхе – но недолгом. Потому что Хедж с Николасом наверняка не отдыхают, равно как и Хлёрр с ее мертвыми подручными.

– Дождемся, чтобы взошла луна, – согласилась Лираэль, скинула рюкзак и уселась рядом с Сэмом на удобный валун.

А в следующее мгновение она уже вновь вскочила на ноги. Меч оказался в ее руке еще до того, как девушка осознала, что извлекла его из ножен. Псина, залиvisto лая, пулей пронеслась мимо. Лираэль потребовалась секунда на то, чтобы понять: в лае этом нет никакого магического отзвука, и еще секунда на то, чтобы разглядеть, на кого бросилась Псина.

Между камнями зигзагами мчался кролик, отчаянно пытаясь удрать от преследующей его собаки. Погоня завершилась в некотором отдалении, но непонятно, с каким результатом. Затем в воздух полетели комья земли, пыль и мелкие камешки: видимо, кролик нырнул в нору, а Псина принялась рыть.

Сэм так и остался сидеть рядом с рюкзаком. Он приподнялся было вслед за Лираэль, но тут же понял, что происходит, и опустилсЯ снова. Теперь он внимательно рассматривал рваную дыру в верхнем клапане рюкзака.

– Ну, по крайней мере, мы живы, – промолвила Лираэль, превратно истолковав эту безмолвную сосредоточенность: она решила, что юноша скорбит о потере Моггета.

Сэм удивленно вскинул взгляд. Он держал в руке швейный набор и как раз собирался его открыть.

– Да я про Моггета вообще не думал. По крайней мере, сейчас. Я размышлял, как бы эту дыру зашить. Наверное, заплату придется ставить.

Лираэль не сдержала смеха – и в смехе этом звучали самые противоречивые чувства.

– Я рада, что ты еще способен думать о заплатах. А я... я не могу не думать о том, что случилось. Колокольцы, пытающиеся зазвонить по своей воле, белая дама... Астараэль... присутствие Смерти.

Сэм выбрал иголку потолще и откусил черную нитку, отмотав с катушки нужную длину. Нахмурившись, вдел ее в иголку и заговорил, обращаясь скорее к заходящему солнцу, нежели к Лираэль:

– Слушай, это так странно... С тех пор как я узнал, что преемник Абхорсена – это ты, а не я, страх оставил меня. Ну, то есть испугаться мне случалось, но это не то же самое. Теперь ответственность лежит не на мне. Ну, то есть на мне тоже, я ведь наследный принц королевства, но теперь я отвечаю за нормальные, привычные вещи. А не вынужден разбираться с некромантами, и Смертью, и тварями Свободной магии. – Парень умолк, завязывая узелок, и на сей раз поднял взгляд на девушку. – А фантомы вручили мне это сюрко. С изображением мастера. Это ведь мастерок Созидателей Стены... Фантомы отдали его мне, и кажется, будто предки мои говорят: «Мастерить и созидать – это правильно». Я предназначен для этого. Я призван мастерить разные штуки и помогать Абхорсену и королю. Этим я и займусь и сделаю все, что в моих силах, а если сил не хватит, буду знать: я сделал, что смог, все, на что способен. Теперь мне не нужно пытаться быть кем-то другим, кем-то, кем мне стать не дано.

Лираэль ничего не ответила. Вместо того она оглянулась на Псину: та возвращалась с обмякшим кроликом в зубах.

– Уффын, – сообщила Псина и, выронив кролика к ногам Лираэль, повторила то же самое более отчетливо. Хвост ее снова заходил ходуном – пусть не весь, а самый кончик. – Ужин. Сейчас еще одного добуду.

Лираэль подобрала тушку. Псина сломала кролику шею: тот умер мгновенно и безболезненно. Девушка чувствовала – его дух совсем рядом, пусть и в Смерти, – но решительно отгородилась от него. Ощущая в руке тяжесть добычи, Лираэль пожалела, что они просто-напросто не поужинали хлебом с сыром, что запаковали для них фантомы. Ну да собаки есть собаки, только завидят кролика – сами не свои делаются...

– Я его освежую, – предложил Сэм.

– А как же его готовить? – спросила Лираэль, охотно передавая тушку племяннику. Ей доводилось есть кроликов и прежде, но либо сырыми, когда она летала в хартийной оболочке лающей совы, либо уже приготовленными и поданными на тарелке в трапезных на леднике Клэйр.

– Под одним из этих валунов можно будет развести небольшой костер, – объяснил Сэм. – Спустя какое-то время. Дыма никто не увидит, да и огонь мы надежно прикроем.

– Тогда займись готовкой, ладно? – попросила Лираэль. – А Псина, небось, своего сырым слопаёт.

– А ты поспи, – предложил Сэм, пробуя большим пальцем острие ножа. – Пока я готовлю кролика, ты часок отдохнешь.

– Присматриваешь за своей престарелой тетушкой? – усмехнулась Лираэль. На самом деле она была всего двумя годами старше Сэмета, но некогда соврала ему, заявив, что лет ей гораздо больше, а тот и поверил.

– Помогаю преемнику Абхорсена, – поправил Сэмет и поклонился, причем скорее всерьез, нежели в шутку. А затем нагнувшись, уверенным, отработанным движением сделал надрез – и стянул шкурку с кролика целиком, точно наволочку с подушки.

Мгновение Лираэль наблюдала за ним, а затем отвернувшись и прилегла на каменистую землю, положив голову на рюкзак. Лежать было крайне неудобно, тем более что девушка не сняла ни доспеха, ни сапог. Но что ей за дело до неудобства! Вытянувшись на спине, Лираэль глядела вверх, в небо, где уже гасли последние отблески синевы, наползала чернота и вспыхивали первые звезды. Она не ощущала поблизости ни присутствия мертвых тварей, ни даже намека на Свободную магию, и накопившаяся за день усталость властно заявила о себе. Лираэль моргнула раз, другой, третий, а затем глаза закрылись словно сами собою, и девушка мгновенно погрузилась в глубокий сон.

Когда она проснулась, было темно – если не считать звездного света и тусклого алого отблеска от надежно укрытого костра. Во мраке смутно маячил силуэт сидящей рядом Псины, а вот Сэма девушка поначалу не разглядела – а потом заметила сгусток тьмы размером с человека, вытянувшийся на земле.

– Который час? – прошептала она, и Псина тут же встрепенулась и бесшумно подбежала к ней.

– Почти полночь, – тихонько ответила Псина. – Мы решили, что лучше тебя не будить, тебе ведь необходимо выспаться, и тогда я убедила Сэма, что и он может пока спокойно подремать, а я посторожу.

– Наверное, долго уговаривать пришлось, – пробурчала Лираэль, приподнимаясь и постанывая: все мышцы словно окостенели. – Что-нибудь случилось?

– Нет, все спокойно – ночь как ночь. Скорее всего, Хлёрр и мертвые все еще следят за домом – и будут следить еще не один день.

Девушка кивнула и осторожно, на ощупь пробираясь между валунами, направилась к роднику. Только он и поблескивал в недвижной темноте ночи. На серебряной поверхности воды отражались звезды. Лираэль умылась, ополоснула руки. Обжигающе ледяная вода окончательно привела ее в чувство.

– Ты, наверное, слопала мою долю кролика? – прошептала Лираэль, возвращаясь обратно к рюкзаку.

– Конечно нет! – возмутилась Псина. – Как можно! Кроме того, Сэмет оставил ее в котелке. Под крышкой.

«Не то чтобы эта крышка остановила бы Псину», – подумала Лираэль, обнаружив рядом с догорающим костерком небольшой чугунный походный котелок. Пусть кусочки крольчатины совсем разварились, но тушеное мясо не успело остыть и оказалось очень даже вкусным. Либо это Сэм нашел поблизости пряные травы, либо их упаковали фантомы. Лираэль порадовалась, что розмарина среди них не оказалось. Еще не хватало снова почувствовать этот запах!

К тому времени, как она доела крольчатину, вымыла руки и отскребла котелок дочиста, горстью зачерпнув песок у источника, начала подниматься луна. Как и говорил Сэм, она только что миновала третью четверть: близилось полнолуние, и в небесах не было ни облачка. В таком свете Лираэль отчетливо различала все детали местности. Этого довольно, чтобы подняться по Ступеням.

Она легонько потрясла Сэма за плечо, и он тут же проснулся, а рука его непроизвольно потянулась к мечу. Говорить они не говорили: никому не хотелось нарушать безмолвие ночи. Лираэль завалила камнями костер, а Сэм по-быстрому ополоснул лицо; затем они помогли друг другу надеть рюкзаки. Псина между тем носилась вперед и назад, виляя хвостом. Ей явно не терпелось пуститься в путь.

Ступени начинались в глубокой расселине, врезавшейся в скалу ярдов на двадцать, так что поначалу казалось, будто она окажется туннелем. Но пролегла она под открытым небом и

вскоре свернула вдоль утеса и вверх, в западном направлении. Все ступеньки были в точности одного размера в высоту, ширину и глубину, так что подъем был размеренно ровным и относительно несложным, хотя и очень утомительным.

Карабкаясь все выше, Лираэль постепенно осознала, что утес представлял собою вовсе не цельную, почти вертикальную стену из неровной породы. На самом деле он состоял из сотен напользающих друг на друга каменных граней, точно стопку бумаги установили под наклоном и отдельные листы соскользнули вниз. Ступе ни встраивали главным образом между гранями и поверх них, до тех пор, пока не приходило время повернуть. Тогда их вырубали глубже, чтобы добраться выше, до следующей грани.

По мере того как они карабкались вверх, луна поднималась все выше, а небо светлело. Уже обозначились тени, и всякий раз, когда маленький отряд останавливался передохнуть, Лираэль оглядывала окрестные земли вплоть до далеких холмов на юге и серебристо-матовой ленты Раттерлин на востоке. Девушка частенько летала в обличье совы над ледником Клэйр и двойными вершинами – Звездной Скалой и Закатной, но это же совсем другое дело! Совы воспринимают мир иначе; кроме того, там Лираэль всегда знала: с наступлением рассвета она вновь окажется в уютной постели, в безопасной твердыне Клэйр. Эти полеты были увлекательным приключением, не более. А сейчас происходит нечто куда более серьезное, так что не получится просто-напросто наслаждаться ночной прохладой и яркой луной.

И Сэм тоже озирает окрестности. Стены на юге он не видел – она скрывалась за горизонтом, – но холмы опознал. Один из них – Бархедрин, некогда называвшийся Рассеченной Вершиной: там стоял камень Хартии, а со времен Реставрации высится башня – самый южный аванпост королевской стражи. А за Стеной лежит страна Анцельстьерр. Диковинное, чудное место, даже в глазах Сэма, который учился в тамошней школе. Страна, где нет ни Хартии, ни Свободной магии, кроме как в северных ее областях, примыкающих к Древнему королевству. Сэм задумался об отце с матерью: они сейчас там, далеко на юге. Они пытаются найти дипломатическое решение, чтобы помешать анцельстьеррцам отправлять беженцев-южаков за Стену, на верную смерть, после чего они все сделаются слугами некроманта Хеджа. А ведь проблема с южакскими беженцами возникла одновременно с тем, как Хедж затеял выкопать из-под земли древнее зло, заточенное в кургане близ Красного озера. Вряд ли это совпадение, мрачно размышлял Сэм. Все это пахнет долгосрочным, продуманным планом, что приводится в действие по обе стороны от Стены. А такое в высшей степени необычно и ничего хорошего не сулит. На что некроманту Древнего королевства сдался мир за пределами Стены? Что ему пользы в этом мире? Сабриэль с Оселком полагали, будто план Врага состоит в том, чтобы привести за Стену сотни тысяч южаков, убить их с помощью яда или заклинания и составить из них войско мертвых. Но чем больше Сэм об этом думал, тем больше недоумевал. Если таково единственное намерение Врага, тогда что он откапывает? И какую роль играет во всем этом Николас, лучший друг Сэма?

По мере того как луна медленно спускалась с небес, отдыхать приходилось все чаще. Хотя аккуратно вырубленные ступеньки располагались на равном расстоянии, подъем был крутым, а путники очень устали. Псина то и дело убегала вперед, а потом возвращалась, проверяя, не отстала ли хозяйка, но Лираэль с Сэмом за нею и в самом деле не поспевали. Они брели, механически переставляя одну ногу за другой и не поднимая головы. Даже на гнездо горной совы, в котором попискивали птенцы, Лираэль взглянула лишь мельком, а Сэм так даже не оглянулся. Они все еще карабкались вверх, когда на востоке забрезжил алый отблеск, окрашивая собою холодный свет луны. Он разгорался все ярче, а луна меркла; тут и там зашебетали птицы. Из бесчисленных трещин в скале выпорхнули крохотные стрижи – и разлетелись ловить насекомых, разбуженных утренним ветром.

– Мы, должно быть, уже почти на вершине, – заговорил Сэм, когда все в очередной раз остановились передохнуть. Все трое растянулись в цепочку по узкой лестнице: Псина – выше прочих, на уровне хозяйкиной головы, а Сэм – ниже всех; его голова приходилась вровень с коленями Лираэль.

Сэм прислонился было к скале, но тут же, вскрикнув, отпрянул: незамеченный кустик терновника исколол ему всю ногу.

На мгновение девушка испугалась было, что он сорвется и упадет, но Сэм восстановил равновесие и, извернувшись, принялся вытаскивать застрявшие колючки.

«При дневном свете Ступени производят куда более устрашающее впечатление», – подумала Лираэль, глядя вниз. Один неосторожный шаг влево – и она рухнет если не совсем вниз, то по меньшей мере на следующий выступ. А до него отсюда – двадцать ярдов: даже если не расшибешься насмерть, то все кости переломашь.

– Нет, ну кто бы мог подумать! – воскликнул Сэм. Он бросил вытаскивать из ноги колючки и теперь стоял на коленях, смахивая с ближайшей к нему ступени пыль и каменную крошку. – Ступени сделаны из кирпича!

Но ведь все равно пришлось прорубать камень, так зачем понадобилось облицовывать его кирпичом?

– Не знаю, – отозвалась Лираэль прежде, чем осознала, что Сэм разговаривает сам с собою. – А это важно?

Сэм поднялся, отряхнул колени.

– Нет, наверное, нет. Просто очень странно. Это же колоссальный труд, тем более что никаких следов магии я не вижу. Может, конечно, тут фантомов использовали, хотя фантомы обычно оставляют после себя отметину-другую...

– Пойдем, – позвала Лираэль. – Давай уже поднимемся на вершину. Вероятно, там обнаружится какая-нибудь подсказка касательно постройки Ступеней.

Но еще задолго до того, как друзья поднялись на самый верх, Лираэль утратила всякий интерес к мемориальным табличкам и памятникам зодчества. Жуткое предчувствие, затаившееся в глубинах подсознания, усиливалось по мере того, как путники преодолевали последние несколько сотен футов, и медленно обретало все большую отчетливость. У девушки холодело в груди; она знала, что на вершине их ждет зрелище смерти. Смерть настигла свои жертвы не только что, не в пределах суток, и все-таки смерть есть смерть.

Девушка знала: Сэм чувствует то же самое. Они обменялись мрачными взглядами. Ближе к вершине Ступени наконец-то стали шире. Не сговариваясь, маленький отряд перестроился из цепочки в линию плечом к плечу. Псина чуть увеличилась в размерах и теперь держалась ближе к хозяйке.

Ощущение смерти, накатившее на Лираэль, подтвердил и ветерок, налетевший уже на последних ступенях. Ветерок этот принес с собою отвратительную вонь и послужил путникам предостережением за несколько секунд до того, как они поднялись на вершину Ступеней и увидели голую площадку, на которой тут и там вповалку лежали трупы людей и туши мулов. Огромная стая воронья слетела на мертвые тела, падальщики рвали острыми клювами плоть, отбивая друг у дружки лакомые кусочки.

По счастью, сразу стало ясно, что это самые обыкновенные вороны. Едва Шкодливая Псина метнулась к ним, они разлетелись во все стороны, возмущенно каркая: с какой это стати их потревожили за завтраком! Лираэль не чувствовала присутствия мертвых – ни среди птиц, ни поблизости, но на всякий случай все-таки извлекла из футляра Саранет, а из ножен – Нэхиму. Еще издали некромантическое чутье подсказало девушке, что трупы пролежали здесь не один день; хотя то же самое можно было определить и по запаху.

Псина бегом вернулась к хозяйке и вопросительно склонила голову. Лираэль кивнула, и собака умчалась прочь и принялась обнюхивать землю, обегая трупы по все более широкому кругу, пока вовсе не исчезла из виду за зарослями терновника. С самого высокого дерева свисало тело: его зашвырнул туда ветер или какое-то существо, далеко превосходящее мощью человека.

Сэм подошел к Лираэль, сжимая в руке меч; знаки Хартии тускло переливались на лезвии в лучах солнца. Уже совсем рассвело; все вокруг озарял яркий золотой свет. «Очень неуместный в этой обители смерти», – подумала Лираэль. И как только может благое солнце сиять в таком месте? Ему, скорее, пристали туман и тьма.

– Отряд торговцев, судя по виду, – предположил Сэм, подходя ближе. – Хотелось бы мне знать, что же...

Судя по положению тел, отряд спасался бегством от какой-то неведомой опасности. Трупы торговцев, опознаваемые по более дорогой одежде и отсутствию оружия, лежали ближе к Ступеням. Стражники пали, защищая своих нанимателей, строем держа оборону ярдах в двадцати чуть дальше. Это был последний рубеж: они развернулись и дали бой врагу, от которого не смогли убежать.

– Все случилось с неделю назад или около того, – произнесла Лираэль, направляясь к трупам. – Их духи давно ушли. Надеюсь, что в Смерть, хотя не поручусь, что их не... прибрали к рукам, чтобы использовать в Жизни.

– Но тела-то тогда зачем просто так бросать? – недоумевал Сэм. – И что могло нанести такие раны?

Юноша указал на мертвого стражника: в его кольчужном панцире зияли две дыры, обоженные по краям; стальные колечки и кожа под ними почернели, точно обуглившись.

Лираэль осторожно убрала Саранет в футляр и подошла осмотреть труп и странные повреждения. Девушка заранее задержала дыхание, но за несколько шагов внезапно вдруг остановилась и охнула – и смердящая вонь хлынула в нос и в легкие. Не в силах справиться с приступом тошноты, Лираэль отвернулась – и ее вывернуло наизнанку. Сэм тотчас же последовал ее примеру, освободив желудок от крольчатины с хлебом.

– Прости, – попросил парень. – Не могу видеть, как кого-то рвет. Ты в порядке?

– Я его знала. – Лираэль оглянулась на стражника. Голос ее задрожал, и девушка вдохнула поглубже. – Я его знала. Он приезжал на ледник много лет назад и как-то заговорил со мною в нижней трапезной. Ему еще кольчуга велика была... – Девушка с благодарностью приняла предложенную Сэмом флягу, плеснула водой в ладони и прополоскала рот. – Его звали... не помню в точности. Ларроу или Харроу... как-то так. Он спросил, как зовут меня, а я так и не ответила...

Лираэль замялась и собиралась уже продолжить, но тут же прикусила язык: Сэм стремительно обернулся:

– Что это было?

– Где?

– Какой-то шум – вон там. – Сэм указал на мертвого мула, лежащего у кромки неглубокой вымоины, что уходила вниз, к утесам. Головы его видно не было, она свесилась за край.

На глазах у Сэма с Лираэль мул чуть шевельнулся, а затем, дернувшись, соскользнул через край в вымоину. Теперь виднелась только задняя часть туловища. Затем круп и задние ноги задержались и затряслись.

– Его кто-то жрет! – с отвращением воскликнула Лираэль. Теперь она разглядела следы на земле – словно что-то тяжелое волочили волоком, – и все они вели к вымоине. Значит, трупов – и людей, и животных – было куда больше. Кто-то... или что-то оттащило их к узкой яме.

– Никаких мертвых тварей я не чувствую, – встревоженно сказал Сэм. – А ты?

Лираэль покачала головой. Она сбросила рюкзак, взялась за лук, натянула его, вложила стрелу в тетиву. Сэм снова извлек из ножен меч.

Они медленно подходили к вымоине, а на их глазах туша мула постепенно исчезала из виду. Приблизившись, друзья расслышали сухой сглатывающий звук, точно лопатой сгребали песок. Время от времени он перемежался побулькивающим чавканьем.

Но рассмотреть ничего не удавалось. Вымоина оказалась глубокой, и всего лишь трех-четырех футов в ширину; что бы в ней ни пряталось, находилось это существо точно под тушей мула. Лираэль по-прежнему не ощущала ничего мертвого, но в воздухе разлился характерный кисловатый привкус.

И Лираэль, и Сэм одновременно поняли, что это резкий металлический запах Свободной магии. Но такой слабый, что невозможно утверждать наверняка, откуда он доносится. Не то из вымоины, не то ветерок принес.

Когда до края вымоины оставалось всего несколько шагов, задние ноги мула, в последний раз дернув копытами – что за мрачная пародия жизни! – окончательно скрылись с глаз. Исчезновение их сопровождалось тем же побулькивающим чавканьем.

Лираэль остановилась у края и поглядела вниз, натягивая лук и уже готовясь пустить зачарованную Хартией стрелу. Но в кого же стрелять? На дне вымоины просматривалась лишь длинная темная полоска жидкой грязи, в которой постепенно тонуло последнее копыто. Запах Свободной магии усилился, но он заметно отличался от едкого смрада, запомнившегося девушке по столкновениям со стилкеном или другими меньшими элементами Свободной магии.

– Что это? – прошептал Сэм. Он заранее согнул левую руку, готовясь создать заклинание, и на кончиках его пальцев подрагивали хрупкие язычки золотого пламени, уже готовые к броску.

– Не знаю, – отозвалась Лираэль. – Какое-то порождение Свободной магии. Я о таких даже не читала. Интересно, а как...

При этих ее словах грязь пошла пузырями и расслоилась, явив взгляду бездонную пасть, не из земли и не из плоти, но словно из густой тьмы, подсвеченную длинным раздвоенным языком серебряного пламени. Из разверстой пасти волной хлынул смрад Свободной магии и гнилого мяса. Лираэль с Сэмом отшатнулись назад, точно от толчка, а язык серебряного пламени взвился в воздух и ударил в то самое место, где секунду назад стояла Лираэль. Вслед за языком показалась громадная, похожая на змеиную, голова, словно вылепленная из грязи. Она высунулась из промоины и нависла высоко над незванными гостями.

Отскочив, Лираэль спустила тетиву, а Сэм, выбросив вперед руку, прокричал активирующие знаки, и в выползающую тварь из грязи, крови и тьмы ударил каскад ревущего, потрескивающего огня. Огонь и серебряный язык столкнулись; во все стороны полетели искры, поджигая траву. Ни стрела, ни пламя Хартии существу, по-видимому, ничем не повредили, однако оно отпрянуло, а Лираэль с Сэмом на всякий случай отбежали еще дальше.

– Кто смеет нарушать мое пиршество?! – рявкнул голос, в котором словно сливалась целая какофония звуков, в том числе рев мулов и крики умирающих. – Пиршество это причиталось мне давным-давно!

В ответ Лираэль бросила лук и взялась за Нэхиму. Сэм бормотал себе под нос знаки, рисовал их в воздухе мечом и рукой и увязывал воедино множество сложнейших символов. Лираэль сделала полшага вперед, прикрывая Сэма, пока тот заканчивал заклинание.

Сэм завершил последовательность главным знаком и начертал его в воздухе. Знак тотчас же одел его кисть золотым пламенем. При виде его девушка непроизвольно вздрогнула. Лираэль знала: этот символ с легкостью уничтожит неопытного заклинателя. Но знак плавно слетел с руки Сэма, и заклинание повисло в воздухе мерцающим ажурным узором из сплетенных

воедино символов – ни дать ни взять пояс из сияющих звезд. Юноша осторожно взялся за один его конец, раскрутил всю ленту над головой и швырнул ее в тварь, одновременно крикнув:

– Отвернись!

Последовала слепящая вспышка, звук, подобный хоровому визгу, и все разом смолкло. Лираэль с Сэмом обернулись: от твари не осталось и следа. Лишь тут и там дотлевала трава, да спиральки дыма тянулись вверх, сплетаясь над полем в туманную завесу.

– Что это было? – спросила девушка.

– Такое связующее заклинание, – объяснил Сэм. – Я, правда, никогда толком не знал, для чего оно предназначено. Как думаешь, сработало?

– Нет, – заявила Псина, появляясь так внезапно, что Сэм с Лираэль аж подпрыгнули. – Хотя, конечно, идея была блестящая – сообщить всем мертвым тварям отсюда и до Красного озера, где мы находимся.

– Но если заклинание не сработало, тогда где эта тварь? – недоумевал Сэм, встревоженно оглядываясь по сторонам. Лираэль тоже начала озираться. В воздухе все еще стоял запах Свободной магии, хотя и совсем слабый, и в клубах дыма невозможно было определить, откуда он доносится.

– Наверное, у нас под ногами, – предположила Псина. Она ткнулась носом в какую-то ямку и запыхтела. Во все стороны полетели комья земли. Лираэль с Сэмом отпрыгнули, прикидывая, не обратиться ли в бегство, а затем медленно встали спина к спине, с оружием наготове.

Глава пятая. Ветер, дуй! Дождь, лей!

– Где именно под ногами? – осведомился Сэм.

Он обеспокоенно глядел вниз, держа наготове меч и налагающую заклинания руку.

– Что мы можем сделать? – быстро уточнила Лираэль. – Ты знаешь, что это такое? Как с этой тварью сражаться?

Псина покосилась на ямку и презрительно фыркнула:

– Нам нет нужды сражаться. Это был ференк, он падальщик. Ференки – они только бахвалятся да показушничать горазды. Этот небось уже залег под несколькими локтями земли и камня. До темноты он уже носу наружу не высунет. А может, и до завтрашней ночи.

Сэм внимательно оглядел площадку, не доверяя мнению Псины, а Лираэль, наклонившись, заговорила с собакой:

– Я ничего не читала про такие порождения Свободной магии, как ференки. Ни в одной из тех книг, которые я перелопатила, пытаюсь разузнать хоть что-нибудь про стилкена.

– Здесь не должно быть никаких ференков, – сказала Псина. – Они – элементали, духи камня и почвы.

Когда была создана Хартия, они и стали лишь камнем и почвой. Ну да, нескольких, может, и недосчитались, но что им делать здесь, в местах настолько наезженных?

– Если ференк – это всего-навсего падальщик, кто же убил этих бедняг? – спросила Лираэль. Она размышляла об увиденных ранах, и направление собственных мыслей ей очень не нравилось. В большинстве тел, точно так же как в трупе стражника, зияло по две сквозные дыры, по краям которых одежда и кожа заметно обуглились.

– Явно какое-то порождение – или порождения – Свободной магии, – промолвила Псина. – Но не ференк. Что-то, скорее, близкое стилкену. Может, джеррек или хиш. Многие тысячи тварей Свободной магии при создании Хартии ускользнули, хотя позже большинство из них были пойманы и так или иначе принуждены к служению. Одни разновидности существуют во множестве, другие – единичны, так что в точности я ничего утверждать не могу. Все усложняется еще и тем, что здесь, в кругу терновника, некогда стояла кузня. А в каменной наковальне была заточена некая тварь. Но я не нашла ни наковальни, ни каких бы то ни было ее следов. Возможно, заключенная в ней тварь и убила этих людей, впрочем, я так не думаю... – Псина снова обнюхала землю, обежала площадку по кругу, клацнула зубами, рассеянно лоя собственный хвост, и наконец уселась и принялась рассуждать: – Возможно, это был сдвоенный джеррек, но я склонна предположить, что здесь побывали два хиша. Однако кто бы ни совершил это злодеяние, убийцы служили некоему некроманту, и он направлял их.

– Откуда ты знаешь? – спросил Сэм. Как только Псина занялась осмотром местности, он перестал ходить кругами, но по-прежнему не отрывал взгляда от земли. Теперь он не только следил, не прорвется ли из-под земли ференк, но еще и высматривал хоть какие-нибудь остатки каменной наковальни. Впрочем, наковальни здесь он вообще никогда не видел.

– По следам и разным прочим признакам, – объяснила Псина. – По виду ран, по остаточным запахам, по трехпалым отпечаткам в мягкой земле, по заброшенному на дерево телу, по тому, что с семи веток в честь победы были ободраны шипы... Все это свидетельствует о том, кто именно побывал здесь – ну, с определенными оговорками. Что до некроманта, вот уже тысячу лет, как ни джеррек, ни хиш, ни любое другое действительно опасное порождение Свободной магии не пробуждались иначе как от звука Мозраэля и Саранета или в ответ на прямой призыв, в котором задействованы их тайные имена.

– Здесь побывал Хедж, – прошептала Лираэль. При звуке этого имени Сэм вздрогнул и шрамы от ожогов на его запястьях потемнели. Но он даже не взглянул на них – и не отвел глаз.

– Очень возможно, – кивнула Псина. – Во всяком случае, не Хлёрр. Великая мертвая оставила бы по себе иные следы.

– Они погибли восемь дней назад, – продолжала Лираэль. Девушка не задавалась вопросом, откуда она это знает. Просто знает, и все, – для этого ей достаточно лишь взглянуть на трупы поближе. Это часть ее новой сути как Абхорсена. – На их дух никто не посягал. Согласно «Книге мертвых», они вряд ли успели уйти дальше Четвертых Врат. Я могла бы спуститься в Смерть и отыскать одного из духов убитых...

Девушка умолкла на полуслове: Псина и Сэм разом покачали головами в знак отрицания.

– По-моему, идея не из лучших, – возразил Сэм. – Что ты рассчитываешь у него узнать? Нам и без того известно, что в окрестностях рыщут отряды мертвых, и некромантов, и невесть кого еще.

– Сэм прав, – согласилась Псина. – Ничего полезного из их смерти мы не узнаем. А раз Сэм уже возвестил о нашем присутствии с помощью магии Хартии, надо бы предать этих бедолаг очистительному пламени, чтобы никто не смог воспользоваться их телами. Но только давайте поторопимся.

Лираэль окинула взглядом площадку и заморгала – в глаза ударило солнце, – высматривая юношу, что некогда звался Баррой. Имя наконец-то всплыло в памяти. Лираэль хотелось отыскать Барру в Смерти и сказать его духу, что девушка, о которой он, надо думать, давным-давно позабыл, все эти годы сожалела, что не поговорила с ним. А ведь могла бы ответить, может, даже поцеловать – словом, сделать хоть что-нибудь, а не плакать, спрятавшись за завесой волос. Но даже если она и отыщет Барру в Смерти, так его, конечно же, давно уже не занимают дела и заботы мира живых. Не ради него, но ради самой себя отправится она на поиски духа Барры, а такой роскоши девушка не могла себе позволить.

Все трое встали над ближайшим мертвым телом. Сэм начертил в воздухе знак огня, Шкодливая Псина пролаяла знак очищения, а Лираэль нарисовала знаки мира и сна и увязала все символы воедино. Они слились, рассыпались искрами над грудью убитого, превратились в золотые язычки пламени, а секундой позже словно взорвались и уничтожили труп. Огонь погас так же мгновенно, как и вспыхнул, осталась лишь кучка пепла да сгустки расплавленного металла, что некогда были пряжкой пояса и лезвием ножа.

– Прощай, – промолвил Сэм.

– Доброй дороги, – проговорила Лираэль.

– Не возвращайся, – добавила Псина.

После того каждый принялся проводить тот же обряд сам, как можно быстрее переходя от тела к телу. Лираэль заметила, что Сэм сначала удивился, а потом явно выдохнул с облегчением, убедившись, что Шкодливая Псина умеет налагать знаки Хартии и совершать обряд, на который некроманты и твари Свободной магии неспособны, ибо он по сути своей противостоит применяемым ими силам.

Даже притом что обряд совершали все трое, к тому времени, как они закончили, солнце уже поднялось высоко, а утро почти миновало. Не считая тех, кого ференк утащил в свое слякотное логово, – их число осталось неизвестным, – на поляне в кругу терновника погибли тридцать восемь мужчин и женщин. Теперь от них остались только горки пепла среди разлагающихся туш мулов и вороны: птицы слетелись обратно, недовольно каркая, ведь угощения заметно поубавилось.

Лираэль первая заметила, что один из воронов на самом деле не то чтобы жив. Он сидел на голове мула, притворяясь, будто выклевывает кусочки протухшего мяса, но при этом не сводил черных глаз с девушки. Она ощутила его присутствие, еще не видя, но не была уверена, чувствует ли она смерти восьмидневной давности или близость мертвого. Но едва встретившись с птицей взглядом, девушка все поняла. Дух птицы давно отлетел, а внутри пернатой тушки поселилось нечто гнилое и злобное. Нечто, что когда-то было человеком, но изменилось

до неузнаваемости за многие века, проведенные в Смерти, – за годы, напрасно растроченные в бесконечных попытках прорваться в Жизнь.

И это не ворона-кравик. Этот дух, облеченный в тело ворона, куда более силен, нежели те, что обычно используются при оживлении стаи только что убитых ворон. Он выдерживает полуденное солнце – значит это, как минимум, житель Четвертых или Пятых Врат. Тушка ворона, в которую он вселился, верно, была совсем свежей: такой дух разъедает любую плоть изнутри в течение дня.

Лираэль схватилась было за Саранет, но едва она извлекла колокол, как мертвая тварь взмыла в воздух и стремительно понеслась на запад, держась у самой земли и петляя среди терновых кустов. На лету от птицы отваливались перья и куски гнилого мяса. Очень скоро от нее останется только скелет, сообразила Лираэль, ну да этой твари перья для полета не нужны. Ее приводит в движение Свободная магия, а не живые мышцы и сухожилия.

– Нельзя было упускать эту пакость, – посетовала Псина. – Она бы услышала колокол даже из-за зарослей терновника. Будем надеяться, этот дух рыщет сам по себе, иначе на нас могут налететь вороны-кравики. И это по меньшей мере.

Лираэль вернула Саранет в футляр, осторожно придерживая язычок, пока кожаная прокладка не легла на место, обездвиживая колоколец.

– Я растерялась, – тихо повинулась девушка. – В следующий раз буду проворнее.

– Надо бы двигаться дальше, – напомнил Сэм. Он поглядел на небо и вздохнул. – Хотя я-то надеялся немного отдохнуть. Уж больно жарко идти.

– А куда мы направляемся? – спросила Лираэль. – Нет ли тут где-нибудь поблизости рощицы или лесочка, чтобы укрыться от кравиков?

– Я не знаю, – с сожалением признался Сэм. И указал на север, туда, где поднимался невысокий холм, а терновые заросли расступались, сменяясь полем, что некогда, должно быть, возделывалось, а теперь заросло сорняками и молодыми побегами. – Вон оттуда можно осмотреться. Нам же в любом случае идти приблизительно на северо-запад.

Покидая поляну, ставшую кладбищем, никто из друзей не оглянулся. Лираэль смотрела куда угодно, только не назад и, призвав на помощь зрение и чувство Смерти, бдительно выискивала мельчайшие приметы присутствия мертвых. Псина вприпрыжку бежала рядом с хозяйской, а Сэм держался слева от девушки, приотстав на несколько шагов.

Друзья прошли вдоль полуразвалившейся невысокой каменной стены вверх по холму. Некогда она разделяла два поля: вероятно, на верхнем пастбище паслись овцы, а на нижнем – растили хлеб. Но это было давным-давно, стену не подновляли вот уже много десятилетий. Где-нибудь, меньше чем в полулиге отсюда, наверняка обнаружатся заброшенный фермерский дом, разрушенные пристройки, засорившийся колодец. Красноречивые признаки того, что здесь некогда жили люди – и людей этих постигла беда.

С вершины холма хорошо просматривались Долгие утесы, протянувшиеся на восток и на запад, и волнистая линия холмов на плато. А также бегущая с севера на юг Раттерлин и пышный султан водопада. Дом Абхорсена скрывали холмы, но нездешние стены тумана, его окружившие, жутковато виднелись даже отсюда.

Несколько сотен лет назад, до того как восстал Керригор, здесь наверняка тоже были и фермы, и деревни, и возделанные поля. А теперь, даже двадцать лет спустя после Реставрации короля Оселка, эта часть королевства по большей части все еще оставалась безлюдна. Небольшие лесочки слились воедино, обернувшись непролазными чащами, одиночные деревья превратились в целые рощицы, а некогда осушенные болота снова благополучно стали топями. Лираэль знала: где-то там, вдали, есть и деревни, но ни одной пока не разглядела. Немногочисленные поселения были далеко разбросаны друг от друга, ведь лишь несколько камней Хартии удалось в итоге заменить или восстановить. Создавать и чинить камни Хартии могли только маги Хартии королевского рода, а вот на то, чтобы разбить обычный камень, годилась кровь

любого мага Хартии. За двести лет Междущарствия было уничтожено слишком много камней, и даже за двадцать лет неустанных трудов возродить их все пока не удалось.

– До Закрая по меньшей мере два, а то и три дня безостановочного пути, – объявил Сэм, указав на северо-северо-запад. – Красное озеро вон за теми горами. И рад сообщить, что мы их перейдем в южной части.

Лираэль сощурилась, прикрывая глаза от солнца рукой. Ей удалось рассмотреть лишь вершины далекой горной гряды.

– Пора бы и в путь, – промолвила она. По-прежнему затеняя глаза, девушка медленно развернулась вокруг своей оси, вглядываясь в небеса. Небо сияло ясной синевой, но Лираэль знала: очень скоро его испещрят предательские черные точки – издалека слетятся стаи ворон-кровавиков.

– Можно сначала наведаться в Роблеград, – предложил Сэм, в свою очередь посмотрев вверх. – Ну то есть Хедж ведь все равно очень скоро узнает, где мы, а в Роблеграде мы можем получить помощь. Там наверняка есть гарнизон стражи.

– Нет, – задумчиво возразила Лираэль. Далеко на севере обозначилась гряда тяжелых, с черными росчерками, туч, и это навело девушку на мысль. – Так мы только подвергнем опасности других людей. Мне кажется, я знаю, как избавиться от ворон-кровавиков или хотя бы укрыться от них, хотя способ этот не из приятных. Мы его опробуем чуть позже. Ближе к ночи.

– Что ты задумала, а, хозяйка? – полюбопытствовала Псина. Она рухнула к ногам Лираэли, высунув язык, и жадно хватала пастью воздух, пытаясь отдышаться после долгого подъема. Что оказалось задачей не из простых: небо было ясным, и по мере того, как солнце поднималось все выше, становилось все жарче.

– Мы высвистим вон те грозовые тучи. – Лираэль указала на далекую гряду темных туч. – Проливной дождь и ветер отгонят ворон-кровавиков, надежно укроют нас и в придачу смоят наши следы. Как вам такая мысль?

– Превосходный план! – поддержала ее Псина.

– Думаешь, мы сможем призвать дождь оттуда сюда? – с сомнением протянул Сэм. – По моему, эта туча висит аж над Великим Мостом.

– Можно попробовать. Хотя вон на западе тоже тучи ходят... – Лираэль внезапно умолкла, сосредоточившись на еще более черной туче за холмами, ближе к западным горам. Даже на таком расстоянии Лираэль почувствовала в ней что-то неправильное, а приглядевшись, рассмотрела внутри тучи отблески молний. – Кажется, эта нам не подойдет.

– Точно, – проворчала Псина; голос ее звучал утробным рыком. – Там же Хедж с Николасом ведут свои раскопки. Боюсь, они, чего доброго, уже дорылись до того, что ищут.

– Ник наверняка не понимает, что совершает что-то дурное, – мгновенно отреагировал Сэм. – Он славный парень. Он в жизни не стал бы намеренно причинять кому-то вред.

– Надеюсь, – кивнула Лираэль. Девушка в который раз спросила себя, что же они станут делать, когда доберутся до места. Зачем Хеджу понадобился Николас? Что они такое откапывают? В чем состоит конечный план Врага? – Как бы то ни было, пора бы и в путь, – сказала она, отводя взгляд от далекой черной тучи и вспыхивающих молний и оглядывая холмистую равнину на западе. – Может, пойдем вон по той долинке? Она ведет в нужном направлении, деревья растут достаточно густо, чтобы можно было укрыться под ветвями, и ручеек течет.

– Вообще-то, там должна была течь небольшая речка, – промолвил Сэм. – Понять не могу, что случилось с весенними ливнями.

– Погоду можно менять как в одну сторону, так и в другую, – рассеянно отозвалась Псина. Она по-прежнему вглядывалась в сторону гор. – Скорее всего, грозовые тучи обложили небо на севере не случайно. Пригнать их на юг хорошо было бы сразу по нескольким причинам. И я порадовалась бы еще больше, если бы нам удалось остановить ту грозу с молниями.

– Мы, наверное, можем попробовать, – неуверенно предложил Сэм, но Псина покачала головой:

– На ту грозу никакая погодная магия не подействует. Слишком много молний, это подтверждает мои опасения, которым я так долго не давала воли! Я думать не думала, что они так быстро это отыщут и что откопают с такой легкостью. А ведь могла бы и догадаться. Астараэль просто так на земле не объявляется, а тут еще и ференк вырвался на волю...

– Да что такое «это»? – встревоженно переспросила Лираэль.

– То, что Хедж выкапывает из-под земли, – объяснила Псина. – В свое время скажу больше. Не хочу пугать вас заранее или зря пересказывать старые сказки. Существует еще несколько вероятных объяснений происходящего, а древние заграждения, возможно, еще выстоят, даже если худшие наши подозрения оправдаются. Но нам надо поторопиться!

С этими словами Псина вскочила с земли, помчалась вниз по холму, ухмыляясь во всю пасть, запетляла между молоденькими деревьями с белой корой и серебристо-зелеными листьями и легко перескочила через очередную разрушенную каменную ограду.

Сэм с Лираэль переглянулись, а затем, как по команде, обернулись к грозовой туче.

– Ну что за негодница, – пожаловалась Лираэль, которая уже собиралась было задать очередной вопрос. Девушка зашагала вниз следом за Псиной, только, разумеется, гораздо медленнее. Может, волшебные собаки усталости и не ведают, а вот она, Лираэль, уже обессиленна. Вечер обещает быть долгим и утомительным, если не хуже, ведь того и гляди объявятся вороны-краватики.

– Ох, Ник, что ж ты натворил? – прошептал Сэм. И поспешил за Лираэль, которая уже сложила нужным образом губы и вспоминала знаки Хартии, необходимые, чтобы оттянуть дождевые тучи на двести миль в сторону.

Маленький отряд шел и шел, останавливаясь лишь на короткие привалы, вдоль ручейка, что бежал через неглубокую долинку между двумя условно параллельными грядами холмов. Долинка заросла деревьями, пусть и негусто, и кроны их защищали от солнца, которое изрядно беспокоило Лираэль. У девушки уже обгорели скулы и кончик носа, но у нее не было ни времени, ни сил, чтобы исцелить кожу с помощью чар. Кроме того, солнце вновь напомнило Лираэль, что она не такая, как все, а ведь от этого осознания она страдала всю жизнь. Настоящие Клэйры были смуглокожи и никогда не обгорали; под палящими лучами их загар становился лишь темнее.

К тому времени, как солнце начало неспешно садиться за горы, только Псина еще двигалась с какой-никакой грацией. Лираэль с Сэмом вот уже почти восемнадцать часов не смыкали глаз и все это время либо карабкались вверх по склонам Долгих утесов, либо безостановочно шли. Они то и дело спотыкались и, несмотря на все попытки бороться с сонливостью, засыпали на ходу. Наконец Лираэль решила, что пора отдохнуть и что они остановятся, как только отыщут местечко, удобное для обороны, и лучше бы с текучей водой, хотя бы с одной стороны.

Полчаса спустя путники все еще брели вперед. Долинка начала сужаться, а дорога пошла в гору. Лираэль уже готова была остановиться и рухнуть на землю где угодно, не важно, есть там текучая вода для защиты от мертвых или нет. Деревья тоже редели, постепенно сменяясь низкорослым кустарником и сорной травой. Вот и еще одно заброшенное поле, открытое и для обороны совершенно непригодное.

Лираэль с Сэмом чувствовали, что уже не в состоянии сделать ни шагу, и тут обнаружили идеальное место для отдыха. О нем возвестило тихое журчание падающей вниз воды; тут же обнаружилась и пастушья хижина: она стояла на сваях над текучей водой у самого основания протяженного, но не слишком высокого водопада. Хижина служила и убежищем, и одновременно мостом; надежно выстроенная из «железного» дерева, она почти не пострадала от времени, вот разве что на крытой дранкой кровле недоставало дощечки-другой.

Псина обнюхала все вокруг, объявила речную хижину замусоренной, но пригодной для ночлега и принялась мельтешить и путаться под ногами, пока Сэм с Лираэль поднимались по ступенькам.

Внутри и в самом деле царил грязь: река, разливаясь, нанесла на пол ил и тину. Но Лираэль с Сэмом это ничуть не волновало: спать на голой земле снаружи или внутри – какая, в сущности, разница!

– Псиночка, можешь подкараулить первой? – попросила Лираэль, с наслаждением скинула рюкзак и пристроила его в уголке.

– Я могу! – возразил Сэм, опровергая собственные же слова широким зевком.

– Караулить буду я, – заявила Шкодливая Псина. – Хотя тут, по всей вероятности, кролики водятся...

– Погонишься за кроликом – не убегай далеко, – предупредила Лираэль. Она извлекла из ножен Нэхиму и положила меч на рюкзак, чтобы был под рукой, и так же поступила с бандольером. Сапоги она снимать не стала, предпочитая не думать, на что похожи ее ноги после тяжелого двухдневного перехода. – Разбуди нас через четыре часа, пожалуйста, – добавила Лираэль, опустилась на пол и привалилась к стене. – Нам же еще тучи призывать.

– Да, хозяйка, – отозвалась Псина. Внутрь она заходить не стала, просто уселась рядом с водным потоком и чутко насторожила уши. Что там еще вдали за звук такой? Кролики, наверное... – А гренку с вареным яйцом вам заодно не подать?

Ответа не последовало. Когда мгновение спустя Псина заглянула в дверь, Лираэль с Сэмом крепко спали, привалившись к рюкзакам. Псина тяжело вздохнула и сама плюхнулась наземь, однако уши ее по-прежнему стояли торчком, а глаза зорко вглядывались в темноту еще долго после того, как летние сумерки погасли и настала ночь.

Ближе к полуночи Псина встряхнулась и разбудила Лираэль, лизнув ее в лицо, а Сэма – поставив ему на грудь тяжелую лапу. Оба, вздрогнув, проснулись, и оба машинально потянулись к мечам прежде, чем глаза их привыкли к тусклому свету от знаков Хартии на собачьем ошейнике.

Умывшись ледяной водой, они окончательно стряхнули с себя сон и, отойдя чуть подальше, искупались целиком – необходимость в том давно назрела. Вернувшись, все, включая Псину, с удовольствием перекусили вяленным мясом, галетами и сухофруктами, хотя Псина предпочла бы кролика или хотя бы вкусную ящерку.

В ночи грозowych туч было не разглядеть, несмотря на то что в небе сияли звезды и уже поднималась луна. Но все знали: тучи там, далеко на севере, и никуда не делись.

– Как только заклинание будет создано, придется сразу выступать в путь, – предупредила Псина, пока Лираэль с Сэмом, стоя под звездами, тихо обсуждали, как призвать тучи и дождь. – Такая магия Хартии привлечет внимание мертвых и тварей Свободной магии на мили и мили вокруг.

– Нам в любом случае нужно поторапливаться, – отозвалась Лираэль. Недолгий сон придал ей сил, и все равно девушка тосковала по уютному спальному креслу в ее комнатке при Большой библиотеке Клэйр. – Сэм, ты готов?

Сэм, что-то напевавший про себя, тут же смолк.

– Ага! Гм, я тут подумал, может, обычное заклинание стоит чуть-чуть изменить? Мне кажется, его неплохо бы усилить – чтобы удалось призвать тучи настолько издалека.

– Конечно, – поддержала его Лираэль. – А что ты предлагаешь?

Сэм быстро объяснил, что имеет в виду, а затем повторил все то же, но медленнее, чтобы Лираэль поняла все в точности. В обычной ситуации оба одновременно просвистели бы одни и те же знаки. А сейчас Сэм решил, что стоит просвистеть знаки разные, но дополняющие друг друга, то есть сплести воедино два разных погодных заклинания. А в финале оба активируют заклинание, хором произнеся два главных знака, в то время как обычно хватало и одного.

– Думаешь, сработает? – засомневалась Лираэль. Ей еще не приходилось вместе с другим магом Хартии создавать чары такой сложности.

– Не просто сработает, а еще и усилит заклинание во много раз, – уверенно пообещал Сэм.

Лираэль оглянулась на Псину, надеясь на подтверждение, но та не обращала на хозяйку внимания. Собака пристально высматривала что-то в южной стороне, чего Лираэль с Сэмом не видели и не ощущали.

– Что там такое?

– Не знаю, – ответила Псина, склонив голову набок, и чутко повела ушами, вслушиваясь в звуки ночи. – Мне кажется, кто-то идет по нашему следу, но этот кто-то еще очень далеко... – Псина оглянулась на Лираэль с Сэмом. – Давайте творите свою погодную магию, и пошли отсюда поскорее!

Примерно в лиге ниже по течению от пастушьей хижины по мелководью пробирался вброд какой-то коротышка, почти карлик. Кожа его была бела, как кость, а волосы и борода – еще белее, настолько белы, что сияли во тьме даже под сенью нависающих над водой деревьев.

– Уж я ей покажу, – бормотал про себя альбинос, хотя его гневную тираду услышать было некому. – Две тысячи лет рабства за спиной, а теперь еще...

Карлик вдруг умолк на полуслове, резко наклонился, рука с узловатыми пальцами ушла в воду – и мгновение спустя вынырнула, сжимая быющуюся рыбу. Альбинос тут же впился в нее зубами у самого основания головы и перекусил позвоночник. А остроте этих зубов, ярко блеснувших в звездном свете, позавидовал бы любой смертный.

Карлик снова набросился на рыбину; по бороде его стекала кровь. За каких-нибудь пару минут он сожрал все подчистую, смачно хрустя костями и ворча и ругаясь про себя: ему-де хотелось форели, а попался окунь.

Дожевав, он тщательно обтер лицо и бороду и обсушил ноги; на его простой тунике, правда, остались кровавые пятна. Но когда карлик снова зашагал вдоль берега ручья, пятна сами собою поблекли, исчезли, и ткань опять обрела первозданную белизну.

Тунику стягивал красный кожаный пояс, только вместо пряжки на нем болтался крохотный колокольчик. Все это время альбинос осторожно его придерживал одной рукою, а рыбу ловил второй и ею же чистился. Но вот он споткнулся на скользкой траве, и предосторожности не помогли. Карлик упал на одно колено, а колокольчик пропел чистую, звонкую ноту, от которой альбинос, как ни парадоксально, зевнул. На миг могло показаться, что он тут же и приляжет, но карлик с явным усилием встряхнул головой и встал.

– Нет-нет, сестренка, – пробормотал он, яростно стискивая колокольчик в кулаке. – Пойми, мне сперва нужно дело сделать. Нельзя мне спать, только не сейчас. Мне ж еще много миль идти, и надо бы мне воспользоваться двумя ногами и двумя руками по полной, пока они при мне.

Где-то рядом крикнула ночная птица, и карлик стремительно обернулся на звук. Все еще придерживая рукой колокольчик, он облизнулся и медленными, осторожными шажками начал было подкрадываться к добыче. Но птица не теряла бдительности: охотник уже изготовился к прыжку, и тут добыча вспорхнула и улетела, оглашая ночь жалобными сетованиями.

– Опять без десерта остался, – пожаловался карлик. Он вернулся к ручью и вновь зашагал вдоль русла на запад, по-прежнему придерживая колокольчик и ворча себе под нос.

Глава шестая. Серебряные полушария

В ста двадцати милях к северо-западу от дома Абхорсена восточный берег Красного озера лежал во мраке, несмотря на то что уже забрезжил рассвет нового дня. Причиной тому была не ночь, но гроза: в небе сгустились черные тучи – и расползлись на несколько лиг во всех направлениях. Тьма не расступалась вот уже больше недели. Сквозь облачную пелену пробивался разве что лучик-другой, тусклый и бледный, и днем над землей нависали жутковатые сумерки, вредоносные для всего живого. Лишь в эпицентре этого недвижимого скопления грозовых туч вспыхивал свет – внезапный, резкий и белый, – там, куда непрестанно били молнии.

Николас Сэйр привык к сумеркам, как привык ко многому другому, и больше не видел в них ничего странного. Но тело его по-прежнему бунтовало, даже если разум и смирился. Юноша все время кашлял и прижимал к носу и рту платок. Хеджева ночная бригада трудилась не покладая рук, вот только разило от них мерзко, как будто плоть гнила на костях. Обычно Николас старался держаться от рабочих подальше – вдруг этот их загадочный недуг заразен! – но на сей раз пришлось подойти и проверить, что происходит.

– Видите ли, господин, – объяснял Хедж, – мы никак не можем сдвинуть полушария вместе. Некая сила не дает им сблизиться, к каким бы методам мы ни прибегали. Они взаимно отталкиваются, как одинаковые полюса магнитов.

Ник кивнул, осмысливая эту информацию. Как ему и снилось, глубоко под землей таились два серебристых полушария, их удалось обнаружить в ходе раскопок. Он было возликовал, но чувство торжества вскоре развеялось, едва Ник задумался о проблемах транспортировки. Как их прикажете вытаскивать, если каждое полушарие семи футов в диаметре, а невиданный металл, из которого они сделаны, невероятно тяжел – даже тяжелее золота.

Полушария были погребены на расстоянии примерно двадцати футов друг от друга, разделяла их странная преграда из семи различных материалов, включая кость. Когда же преграду изъяли, стало ясно, что именно она отчасти нейтрализовала силу отталкивания, потому что теперь полушария никак не получалось сдвинуть друг к другу ближе чем на пятьдесят футов.

С помощью опорных катков, веревок и двух с лишним сотен рабочих ночной бригады одно из полушарий удалось втащить наверх по спиральному пандусу и вытянуть за край ямы. Второе осталось лежать далеко внизу, у основания пандуса. Когда его попытались частично выволочь, частично выкатить, подпирая сзади, сила отталкивания оказалась так велика, что полушарие просто отскочило назад, подмяв и раздавив многих рабочих.

В придачу к этой загадочной силе отталкивания, как заметил Ник, полушария обладали и другими странными свойствами. Так, от них словно исходил едкий запах нагретого металла, что пробивался даже сквозь омерзительную гнилостную вонь ночной бригады. От этого запаха юношу тошнило, а вот Хедж и его своеобразные рабочие смрада будто не замечали.

А потом еще молнии. Ник вздрогнул: очередная вспышка на миг ослепила его, а мгновением позже оглушительно громыхнул гром. Молнии били еще чаще, чем прежде, и теперь, когда обнажились оба полушария, Ник сумел определить некую последовательность. В каждое из полушарий молния ударяла восемь раз подряд, а девятая неизменно промахивалась – и зачастую поражала кого-нибудь из рабочих.

Не то чтобы это им как-то вредило, непроизвольно отметил Ник. Если рабочий не вспыхивал огнем или не рассыпался на куски, он продолжал трудиться как ни в чем не бывало. Но этот факт не задержался в сознании: мысли Ника неизменно возвращались к первоначальной цели, и юноша всецело сосредотачивался на ней, не отвлекаясь на посторонние соображения.

– Нам придется отодвинуть первое полушарие еще дальше от раскопа, – заявил он, борясь с душным, что накатывало заодно с тошнотой всякий раз, как он подходил к серебристой

металлической громаде слишком близко. – Кроме того, нам понадобится вторая баржа. Оба полушария на одну не поместятся, тем более что их должно разделять расстояние в пятьдесят футов. Надеюсь, моя лицензия на импорт допускает две отправки вместо одной... В любом случае выбора у нас нет. Дело не терпит отлагательств.

– Как скажете, господин, – откликнулся Хедж, по-прежнему внимательно глядя на Ника – так, словно ожидал чего-то еще.

– Я все собирался спросить, удалось ли тебе нанять команду, – наконец произнес Ник, когда молчание слишком затянулось. – Ну, для барж.

– Да. Они ждут на берегу озера. Ребята под стать мне, господин. Те, что служили в анцельс-террской армии, те, что сражались в окопах Внешней границы. По крайней мере, до тех пор, пока ночь не сманила их с застав и постов перехвата и не сподвигла пройти за Стену.

– Ты хочешь сказать, они – дезертиры? А можно ли им доверять? – вскинулся Ник. Еще не хватало лишиться одного из полушарий из-за человеческой глупости или добавить себе лишних проблем при возвращении в Анцельс-терр. Такого просто нельзя допускать!

– О нет, господин, что вы, они не дезертиры, – заулыбался Хедж. – Просто пропавшие без вести, причем слишком далеко от дома. На них вполне можно положиться, я в этом лично удостоверился.

– А как насчет второй баржи? – не отступался Ник.

Хедж не ответил: он внезапно вскинул голову и принялся, раздувая ноздри. Ник тоже посмотрел вверх – и тяжелая капля дождя упала ему прямо в рот. Он облизнул губы – и тут же сплюнул: горло словно онемело.

– Быть того не может, – прошептал Хедж себе под нос. Дождь усилился, поднимался ветер. – С северо-востока идет призванный кем-то дождь. Надо бы мне выяснить, в чем дело, господин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.